

Алексей Писемский

Хищники

Алексей Феофилактович Писемский

Хищники

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661535

*А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 9: Издательство «Правда»,
биб-ка «Огонек»; М.: 1959*

Аннотация

«Утро. Большой кабинет. Пред письменным столом сидит Владимир Иванович Вуланд, плотный, черноволосый, с щетинистыми бакенбардами мужчина. Он, с мрачным выражением в глазах, как бы просматривает разложенные перед ним бумаги. Напротив его, на диване, сидит Вильгельмина Федоровна (жена его), высокая, худая, белокурая немка. Она, тоже с недовольным лицом, вяжет какое-то вязанье...»

Содержание

Действующие лица	6
Действие I	7
Явление I	7
Явление II	11
Явление III	13
Явление IV	19
Явление V	20
Явление VI	21
Явление VII	22
Явление VIII	28
Явление IX	32
Действие II	34
Явление I	35
Явление II	43
Явление III	44
Явление IV	45
Явление V	46
Явление VI	47
Явление VII	48
Явление VIII	54
Явление IX	55
Явление X	56
Явление XI	57

Явление XII	61
Действие III	62
Явление I	63
Явление II	70
Явление III	71
Явление IV	76
Явление V	77
Явление VI	78
Явление VII	80
Явление VIII	87
Явление IX	88
Явление X	91
Явление XI	92
Действие IV	93
Явление I	94
Явление II	96
Явление III	103
Явление IV	109
Явление V	110
Явление VI	111
Явление VII	118
Явление VIII	119
Явление IX	120
Явление X	121
Действие V	122
Явление I	122

Явление II	125
Явление III	128
Явление IV	135
Явление V	136
Явление VI	137
Явление VII	143
Явление VIII	144
Явление IX	145
Явление X	148
Явление XI	150
Примечания	154

Алексей Феофилактович Писемский Хищники

Комедия в пяти действиях

Лошадь волки съели, да санями подавились!
Пословица

Действующие лица

Граф Зыров, главный начальник ведомства.

Андашевский, Алексей Николаич, товарищ его.

Вуланд, Владимир Иванович, директор.

Мямлин, Дмитрий Дмитрич, камергер.

Князь Янтарный, Георгий Ираклиевич, камергер.

Генерал-майор Варнуха.

Шуберский, столоначальник.

Басаева, Ольга Петровна, дочь графа Зырова. Вдова.

Вуланд, Вильгельмина Федоровна, жена Владимира Ивановича Вуланда.

Сонина, Марья Сергеевна, вдова.

Горничные, слуги и курьер.

Действие I

Явление I

Утро. Большой кабинет. Пред письменным столом сидит Владимир Иванович Вуланд, плотный, черноволосый, с щетинистыми бакенбардами мужчина. Он, с мрачным выражением в глазах, как бы просматривает разложенные пред ним бумаги. Напротив его, на диване, сидит Вильгельмина Федоровна (жена его), высокая, худая, белокурая немка. Она, тоже с недовольным лицом, вяжет какое-то вязанье.

Вильгельмина Федоровна. Я сегодня в газетах прочла, что на место Янсона товарищем назначен Андашевский.

Владимир Иванович (*не поднимая глаз от бумаг и мрачным голосом*). Да!.. С неделю уж как решено было это назначение.

Вильгельмина Федоровна. Отчего ж ты мне не сказал об этом?

Владимир Иванович. Забывал все как-то.

Вильгельмина Федоровна. А на каком основании тебя тут обошли?

Владимир Иванович (*как бы удивленный этим вопросом*). Что же я тут такое!

Вильгельмина Федоровна. А то, что ты гораздо старше

Андашевского и раньше его получил тайного советника.

Владимир Иваныч. Это нынче ничего не значит.

Вильгельмина Федоровна. Наконец, ты, я думаю, лучше его знаешь дело... Опытней его, и полагаю даже, что умнее!

Владимир Иваныч. Ты так полагаешь; а другие, видно, полагают иначе!

Вильгельмина Федоровна. Что ж, ты и останешься на своем месте?

Владимир Иваныч. Куда ж мне деваться!

Вильгельмина Федоровна. Очень просто: проси у графа какой-нибудь высшей себе должности!.. Скажи ему, что ты унижен и оскорблен назначением Андашевского тебе в начальники: это самолюбие благородное, а не глупое!.. Граф должен это понять.

Владимир Иваныч. Как же, поймет!.. Очень нужно ему до моего самолюбия.

Вильгельмина Федоровна. И ты поэтому с докладом будешь ходить к Андашевскому?

Владимир Иваныч (*покраснев в лице от досады*). Конечно!

Вильгельмина Федоровна (*тоже вспыхнув от досады*). Ну, я женщина, а потому должна была бы иметь меньше самолюбия, чем мужчина, но я лучше бы сквозь землю провалилась, чем вынесла подобное унижение.

Владимир Иваныч. Проваливайся, пожалуй!.. Как кого

удивишь!.. Скажут только, что одной душой на свете меньше стало.

Вильгельмина Федоровна (*рассердясь*). Душой!.. Ты сам после этого дурак!.. За что ты бранишься?

Владимир Иваныч. Как же не браниться? Говоришь какой-то вздор, фантазии какие-то!..

Вильгельмина Федоровна. Нет, это вовсе не фантазии, а мне действительно очень досадна несправедливость графа. Неужели же Андашевский был полезнее тебя на службе и больше твоего участвовал хоть бы в тех же реформах?

Владимир Иваныч (*с грустной усмешкой*). Не думаю!.. По реформе большую часть работ производил я, а личные доклады графа уж исключительно писаны мною.

Вильгельмина Федоровна (*стремительно*). Вот поэтому-то мне ужасно и хочется узнать, за что, собственно, сделан Андашевский товарищем?

Владимир Иваныч. За то, что льстил и подличал перед графом до такой степени, что гадко было видеть это!.. Только что ноги не целовал у него!..

Вильгельмина Федоровна. Ну, это пустяки: за одно подличанье он не сделал бы его товарищем!.. Тут непременно должно быть чье-нибудь постороннее влияние, какая-нибудь особая причина, а то графу не было бы никакого основания отдать Андашевскому предпочтение пред тобой.

Владимир Иваныч. Не было основания, однако он все-таки предпочел его.

Вильгельмина Федоровна. Предпочел, потому что на то была какая-нибудь особая причина; а потому ты тем больше имеешь права обидеться этим и требовать у графа, чтобы он выхлопотал тебе сенатора, например...

Владимир Иваныч. Безделицу!.. Сенаторство!.. Нынче, матушка, в сенаторство попасть не так легко, как в прежнее время: сажают все специалистов по судебной части...

Вильгельмина Федоровна. В таком случае проси, чтобы тебе оставили то же содержание, и выходи в отставку.

Владимир Иваныч. И того не сделают!.. На днях еще циркулярно по всем ведомствам объявлено, чтобы никаких представлений о пенсионных назначениях выше штатных не делать.

Вильгельмина Федоровна. А если так, то плюнь на все!.. Пусть тебе дадут, что следует по закону, и уедем за границу! Я лучше по миру, с сумой готова идти, чем видеть, что муж мой под начальством у мальчишки, который прежде за счастье считал, когда я позволю ему поцеловать мою руку или налью чашку чаю.

Владимир Иваныч что-то такое хочет возразить жене, но входит курьер.

Явление II

Те же и курьер; потом Владимир Иваныч один.

Курьер. Камергер Мямлин и генерал-майор Варнуха.

Вильгельмина Федоровна. А я еще и не одета! Уйти скорее!..

Владимир Иваныч (*с досадой*). Уходи!.. Что тебе тут сидеть!..

Вильгельмина Федоровна уходит.

Владимир Иваныч (*курьеру*). Проси этих господ!

Курьер уходит.

Владимир Иваныч (*один*). Эти женщины хуже змей!.. У меня и без того ад на душе, а она еще пилит своим милым язычком! Справедливо сказал какой-то философ, что человек не столько оттого страдает, когда ему самому скверно, как оттого, когда он видит, что другому хорошо! Вчера при мне господин Андашевский приехал в театр и проходит в первый ряд кресел, слышу, со всех сторон говорят: «Это Андашевский!.. Новый товарищ!..» А он оглоданной-то харей своей так всем и улыбается и ко мне вдруг чуть не с распростертыми объятиями. «Как, говорит, я счастлив, что вижу вас!» Пытку бы легче вынес, чем эту милую сцену, а между тем сиди, сам тоже улыбайся и делай вид, что, кроме удовольствия, ничего не чувствуешь!.. Будь кто хочешь, кажется, назначен со стороны, хоть столоначальнишка какой-ни-

будь из аристократов, я равнодушной бы перенес, зная, что в России в службе все делается по протекции; но тут предпочтен человек совершенно равный мне, стоявший решительно в одних условиях со мной, – это уж прямо насмешка!.. Плевок в лицо!..

Явление III

Владимир Иванович; входит Мямлин, плешивый господин, с женской почти физиономией и с необыкновенно толстым задом, и генерал-майор Варнуха, худенький, мозглый мало-россиянин, с длинейшими усами, с неглупым, но совершенно необразованным выражением в лице.

Мямлин. Вашему превосходительству имею честь представиться!

На этих словах он вдруг останавливается и начинает делать из лица гримасы.

Владимир Иванович (*протягивает ему руку*). А у вас это подергиванье в лице еще не прекратилось!

Мямлин. Лучше нынче, лучше!.. (*Продолжает гримасничать.*)

Владимир Иванович (*с некоторым участием*). Но скажите, что такое, собственно, это за болезнь?

Мямлин. Нервная!.. То же самое, что и пляска святого Витта, как объясняли мне врачи...

Владимир Иванович. И что же, вы боль при этом сильную чувствуете?

Мямлин. Нисколько!.. Ни малейшей!.. Непроизвольное только сокращение личных мускулов.

Владимир Иванович. Но есть же против этого средства какие-нибудь?

Мямлин. Электричество больше всего тут помогает, и мне теперь гораздо лучше!.. Конечно, когда взволнуешься чем, так усиливаются припадки, а сегодня вот я являлся к графу, потом к нашему новому начальнику, Алексею Николаичу Андашевскому, и, наконец, к вашему превосходительству... Все это очень приятно, но не могло не подействовать.

Владимир Иваныч перенес свой взгляд на генерал-майора Варнуху, который все время стоял, не пошевелив ни одним мускулом; но как только взор Владимира Иваныча коснулся до него, так он мгновенно и очень низко поклонился ему и затем опять сейчас же вытянулся в струнку.

Владимир Иваныч (*к Варнухе*). Вы недавно причислены к нам?

Генерал-майор Варнуха (*бойко и отчетливо*). Точно так, ваше превосходительство!

Владимир Иваныч. Но по чьему, собственно, представлению?

Генерал-майор Варнуха. Господина товарища!

Владимир Иваныч. Стало быть, вы лично известны Алексею Николаичу?

Мямлин (*у которого лицо совершенно уже успокоилось*). Дядя мой, князь Михайло Семеныч, просил за него Алексея Николаича... Господин Варнуха заведывал некоторое время именем дяди.

Генерал-майор Варнуха. Тогда, оставивши военную службу, я занимался частными делами и почесть что все име-

ня князя Михайла Семеныча пушал на выкуп, и так как он остался очень доволен мной, то и сделал меня потом смотрителем Огюнского завода.

Владимир Иваныч *(как бы повторяя слова Варнухи)*. Смотрителем Огюнского завода вы были?.. Но завод этот, как мне помнится, производится этими несчастными ссыльными?

Генерал-майор Варнуха. Точно так, ваше превосходительство!.. Очень трудно было управляться!.. На собственной руке даже имею несколько шрамов!.. *(Заворачивает рукав мундира и показывает несколько шрамов.)*

Владимир Иваныч. Это отчего?

Генерал-майор Варнуха. Бил их-с из собственных рук!.. Сечь не велено... По суду когда еще что будет, а между тем они буянствуют каждый день, только этим самым и усмирял их!

Владимир Иваныч. Вы там и получили чин генерал-майора?

Генерал-майор Варнуха. Точно так, ваше превосходительство!.. Три года уже состою генерал-майором и тепериче бы желал получить более высшую должность.

Владимир Иваныч. Да... Но у нас ведь, предварительно всякого назначения, дают обыкновенно поручения...

Генерал-майор Варнуха. Слушаю, ваше превосходительство!

Владимир Иваныч. И смотри по тому, кто как исполнит

их...

Генерал-майор Варнуха. Слушаю, ваше превосходительство!

Владимир Иванович. Прошу садиться! *(Движением руки своей приглашает гостей своих садиться и сам садится. Мямлин довольно свободно располагается на своем кресле, но генерал-майор Варнуха только притыкается на кончик стула.)*

Мямлин *(заискивающим голосом)*. А я, ваше превосходительство, только вчерашнего числа возвратился из моей скучной и длинной командировки...

Владимир Иванович *(наильно улыбаясь)*. Знаю это я!

Мямлин. В три тома дело произвел!.. Вот каких три тома!.. *(Показывает рукою на аршин от земли.)* Двести пятьдесят деревень объехал; с железными дорогами семь тысяч восемьсот верст сделал, – надобно было на это употребить времени и труда! *(На все эти слова Владимир Иванович хоть бы малейшее выразил одобрение.)* И как вот сейчас я Алексею Николаичу докладывал: в самую нынешнюю страстную неделю, когда все истинно русские желают и ждут с семейством разговеться, я, один-одинехонек, живу в идолопоклоннической, мордовской деревнюшке; только один раз в неделю и оживаешь душой, когда услышишь благовест из соседнего русского села или съездишь туда к обедне; вдруг я читаю в газетах, что наш Алексей Николаич назначен товарищем; я всплакал даже от радости, потому что этот выбор пря-

мо показывает, что в настоящее время в России можно служить и что достоинства и заслуги не пропадают даром! (*Владимир Иванович, лицо которого становилось все более и более сердитым и недовольным, и на эти слова ничего не проговорил. Мямлин, обращаясь уже к генерал-майору Варнухе.*)
Согласны вы с этим?

Генерал-майор Варнуха (*потупляя глаза и каким-то нерешительным голосом*). Конечно-с!..

Мямлин (*совершенно не соображая, кому и что говорит*). Про Алексея Николаича все, я думаю, даже враги его скажут, что он умен!.. Просвещен!.. Деятелен!.. Знающ! (*Каждое слово Мямлина как бы булавкой кололо генерала Варнуху, так что он слегка даже вздрагивал. Мямлин в окончательном пафосе своего увлечения и снова обращаясь к нему.*) И, наконец, души ангельской! Чего ж можно больше требовать от человека! (*Генерал-майор Варнуха при этом только уже выворотил белки свои на Мямлина, как бы желая тем выразить ему свое удивление. Мямлин, ничего этого не замечавший.*) Это назначение так меня ободрило, что, когда я радость мою по этому предмету передавал князю Михайле Семеновичу, так он, сочувствуя, конечно, вполне выбору Алексея Николаича, посмеялся даже мне: «Ах, ты, говорит, добрая русская душа; каждому малейшему успеху России ты радуешься!..» Я что ж? Признаюсь: патриот!.. Люблю мое отечество! И теперь вот прямо самому графу и вашему превосходительству осмелюсь сказать и про-

свить рассмотреть мои труды, может быть, и в них найдется что-нибудь полезное! Никакой поблажки или снисхождения не желаю себе; а прошу только рассмотреть их и оценить по достоинству.

Владимир Иванович (*мрачным голосом*). Наша обязанность просматривать все поступающие к нам дела.

Мямлин. А я только и желаю того! (*Начинает снова выдвигать из лица гримасы.*)

Владимир Иванович (*с нескрываемым отвращением*). Какая, однако, у вас болезнь эта несносная.

Мямлин. Очень несносная! (*Встает и начинает раскланиваться.*) Поручаю себя вашему вниманию.

Владимир Иванович (*тоже вставая и протягивая Мямлину руку*). Весьма рад, что видел вас!

Мямлин (*склоняя перед ним голову*). Супруге вашей прошу засвидетельствовать от меня глубочайшее уважение.

Владимир Иванович. Благодарю вас! (*Обращается к генерал-майору Варнухе, но не протягивая ему руки.*) Рад, что с вами познакомился! (*Генерал-майор Варнуха проворно и низко ему кланяется.*)

Мямлин (*показывая ему рукою*). Мы с генералом только и просим вас об одном: воздать каждому из нас по делом нашим! (*Оба затем еще раз раскланиваются с Владимиром Ивановичем и уходят.*)

Явление IV

Владимир Иванович (*оставшись один и каким-то тигром расщипавшим сады на свое место*). Погодите: я воздам вам по делу вашим!.. Этот дуралей-то прокаженный с ключом воображает, что я его три дурацкие тома стану читать; да я, без всякого чтения, прямо доложу графу, что это чепуха великая, и наперед уверен, что не ошибусь!.. В Андашевском какого-то уж ангела открыл и говорит мне это прямо в глаза; одно это показывает, что он дурак набитый! Другой-то тоже хорош, штука эта военная, воришка с какого-то заводчика, высшей должности себе ожидает! Что до меня касается, так я вас обоих угощу: в службе только еще и осталось одно это наслаждение, что подобным скотам можешь ногу подставить!

Входит курьер.

Явление V

Владимир Иванович и курьер.

Курьер. Чиновник Шуберский!

Владимир Иванович. О, черт его дери! (*Сердито к курьеру.*) Что ему надобно от меня?

Курьер. Он с бумагами какими-то пришел-с.

Владимир Иванович. Зови! (*Курьер уходит.*)

Явление VI

Владимир Иваныч. Я уверен, что этот прощельга пришел высмотреть, что у меня написано на лице.

Входит Шуберский, молодой еще человек, в вицмундирном фраке и с делами под мышкой.

Явление VII

Владимир Иваныч и Шуберский; потом на мгновение входит курьер.

Владимир Иваныч (*довольно сурово*). Что у вас за дела такие спешные? (*Шуберский на это молча подает ему бумаги. Владимир Иваныч, подписывая эти бумаги.*) Это все пустяки какие-то, подтверждения!.. Разве они не могли полежать, пока я приеду? (*Почти швыряет к Шуберскому подписанные бумаги.*)

Шуберский (*скромно подбирая эти бумаги*). Я еще и собственное дело имею к вам, Владимир Иваныч!

Владимир Иваныч. Что такое-с?

Шуберский. Я пришел попросить у вас позволения подать мне в отставку.

Владимир Иваныч (*видимо, удивленный этими словами*). Это с чего вам вздумалось?

Шуберский (*грустно пожимая плечами*). Мне при Алексее Николаиче невозможно оставаться служить. Он в первый же раз, как будет управлять за графа, начнет непременно преследовать меня.

Владимир Иваныч (*с некоторым вниманием*). Но что такое, собственно, у вас с ним вышло?.. Я до сих пор не знаю хорошенько!..

Шуберский (*скромно потупляя глаза*). Я в одном фелье-

тоне моем написал про Алексея Николаича!.. Тогда, может быть, вы изволите помнить дело это по Калишинскому акционерному обществу.

Владимир Иваныч (*с большим уже вниманием*). Ну-с?

Шуберский (*с тем же скромным видом*). А у меня в этом обществе зять, муж сестры моей, служил...

Владимир Иваныч (*еще с большим вниманием*). Ну?

Шуберский. Он как-то приходит к нам и рассказывает: «Ваш, говорит, Андашевский взял с нашей компании триста тысяч акциями».

Владимир Иваныч (*покраснев даже в лице от удовольствия*). Стало быть, это не утка газетная была?

Шуберский. Какая же газетная утка? Зять мой с управляющим компанией и возил к нему эти акции, и не на дом, а на квартиру к его любовнице.

Владимир Иваныч. Это к Марье Сергеевне Сониной?

Шуберский. К ней именно!.. Алексей Николаич у ней в гостинной и принял эти акции: сначала сосчитал их очень аккуратно, а потом просил Марью Сергеевну положить их на время в свою шифоньерку.

Владимир Иваныч. И вы все это описали?

Шуберский. Почти; но главным образом я провел в статье ту мысль, что как выгодно бывает иногда акционерным обществам открывать бесплатную подписку влиятельным лицам, и в пример тому указал на Калишинское акционерное общество и будто бы некоего господина Подстеги-

на...

Владимир Иваныч. И что же, по поводу этого фельетона Андашевский имел с вами объяснение?

Шуберский. Очень большое!.. Именем графа призывал меня к себе и спрашивал: кто это писал? Я сказал, что я. Он спросил: про кого это писано, и кто именно господин Подстегин? Я отвечал, что лицо это совершенно вымышленное. Он, однако, не поверил тому и начал меня теснить, так что если бы вы не взяли меня к себе, то я службу должен был бы оставить.

Владимир Иваныч. Я теперь припоминаю: он мне тогда выговаривал, зачем я вас взял к себе!.. Да вы садитесь, пожалуйста!.. Что ж вы стоите?

Шуберский садится и принимает не столь уже подобострастный вид.

(Продолжает с важностью.) И рассказывал так, что когда вы сделали фельетонистом газеты, то беспрестанно стали являться к нему и просить себе наград и повышений, но он, не находя вас заслуживающим того, отказывал вам, – тогда вы написали на него этот пасквиль...

Шуберский *(с несколько вспыхнувшим лицом)*. Нет-с, я не пасквиль на него писал, а передал действительно случившийся факт!

Владимир Иваныч. А зять ваш, скажите, может подтвердить этот факт?.. Имеет какое-нибудь юридическое доказательство на него?

Шуберский. Зять мой не станет подтверждать этого факта, потому что он до сих пор служит в том же обществе, и от этой службы зависит весь его кусок хлеба; но всего лучше факт этот может подтвердить Марья Сергеевна Сонина.

Владимир Иваныч. Вона! Поднимет Марья Сергеевна руку на своего возлюбленного!..

Шуберский. Поднимет-с теперь!.. Он, говорят, покинул ее!

Владимир Иваныч (*восклицая в удивлении*). Как покинул?

Шуберский. Совершенно покинул-с и женится, говорят, на какой-то княжне или графине...

Владимир Иваныч (*как бы в порыве благородного негодования*). Ах, негодяй какой!.. (*Сильно звонит... Вбегает прежний курьер.*)

Владимир Иваныч (*ему*). Позови сюда поскорей Вильгельмину Федоровну.

Курьер уходит.

Шуберский. Даже многие из наших чиновников удивляются этому поступку Алексея Николаича, зная, сколько лет он любил Марию Сергеевну.

Владимир Иваныч. Никогда он ее не любил, и никого в мире он не может любить! Этот человек до мозга костей своих эгоист и лицемер! Я начал знать господина Андашевского с самого его поступления к нам. Он шагу в жизни не сделал без пользы для себя и два фортеля в этом случае употреблял:

во-первых, постоянно старался представить из себя чиновника высшего образования и возвышенных убеждений и для этого всегда накупал иностранных книг и журналов и всем обыкновенно рассказывал, что он то, се, третье там читал, – этим, собственно, вначале он обратил на себя внимание графа; а потом стал льстить ему и возводил графа в какие-то боги, и тут же, будто к слову, напевал ему, как он сам целые ночи проводит за работой и как этим расстроил себе грудь и печень; ну, и разжалобит старика: тот ему почти каждый год то крест, то чин, то денежную награду даст, то повысит в должности, и я убежден даже, что он Янсона подшиб, чтобы сесть на его место.

Шуберский. Слухи есть и об этом.

Владимир Иванович. Непременно-с это было, потому что граф очень любил Янсона и вдруг ни с того, ни с сего возненавидел его!.. Ту же самую маску господин Андашевский, вероятно, носил и пред Марьей Сергеевной: пока та была молода, недурна собой, – женщина она с обеспеченным состоянием и поэтому денег от него не требовала, – он клялся ей в своей любви и верности, а теперь себе, вероятно, приискал в невесты какую-нибудь другую дуру с огромным состоянием или с большими связями.

Шуберский. Я на днях узнаю, кто это именно невеста его.

Владимир Иванович. Узнайте, пожалуйста, и мне передайте!

Шуберский. Очень хорошо-с!

Входит Вильгельмина Федоровна.

Явление VIII

Те же и Вильгельмина Федоровна.

Владимир Иваныч (*обращаясь к жене*). Слышала: наш Алексей Николаич бросил свою Марью Сергеевну!

Вильгельмина Федоровна (*отступая даже шаг назад*). Не может быть!

Владимир Иваныч. Бросил и женится на какой-то княжне.

Вильгельмина Федоровна. Господи, чего уж не выдумают!

Шуберский. Нет-с, это не выдумка! Собственный лакей Алексея Николаича на днях в трактире хвастал и рассказывал, что господин его женится на какой-то графине или княжне, богатой, красавице из себя...

Вильгельмина Федоровна (*видимо, заинтересованная этой новостью и садясь на диван*). Но, может быть, это перемешали только, а он именно на Марье Сергеевне и женится.

Шуберский. Вряд ли-с, потому что лакей к этому прибавлял, что прежнюю свою привязанность Алексей Николаич бросил: ни сам к ней не ездит, ни ее к себе не принимает.

Вильгельмина Федоровна. Бедная Марья Сергеевна! Я воображаю, что теперь с ней происходит: она, я думаю, не перенесет этого и с ума сойдет.

Владимир Иваныч. Если только есть ей с чего сходить!

(Обращаясь к Шуберскому.) А вы не извольте оставлять службы: это вздор!.. При жене ничего, можно говорить все: господин Андашевский без меня не может сделать вам никакого существенного зла; но если он отнесется ко мне, то я прямо его спрошу, за что он вас преследует? Он мне, разумеется, скажет, что в каждом присутственном месте неудобно иметь чиновником газетного репортера, так как он может разгласить какие-нибудь даже государственные тайны. «Но где же, спрошу, статья закона, прямо воспрещающая газетным репортерам быть чиновниками, потому что в отношении наших подчиненных мы можем действовать только на основании существующих узаконений; если же, скажу, вы желаете употребить какую-нибудь произвольную меру, то я не знаю, во-первых, в чем она может состоять, а во-вторых, пусть уж она будет без меня!» Тогда я и посмотрю, что он вам сделает.

Шуберский. Сделает то, что велит подать мне в отставку.

Владимир Иванович *(воскликая во весь голос)*. Никогда!.. Никогда!.. Как это вы, умный молодой человек, и не понимаете того!.. Если бы он действительно имел глупость вытеснить вас, так вы об этом можете напечатать во всех газетах, потому что это явное пристрастие и проведение в службе личных антипатий, и поверьте вы мне-с: господин Андашевский не только не станет вас преследовать теперь, а, напротив, он будет возвышать вас...

Шуберский. Ну, уж этого, я думаю, никогда не может

быть.

Владимир Иваныч. Очень возможно-с! Мы обыкновенно смелы и деспотичны только против слабых. У нас есть, конечно, власть, чины, кресты, которые мы раздаем; а у вас есть другая сила и вряд ли не более могучая, чем наша: это печать, и в руках ваших, некоторым образом, общественное мнение.

Шуберский. Это совершенно справедливо, и если вы, Владимир Иваныч, так на это смотрите (*при этих словах он встает на ноги*)... то позвольте мне за все, что вы сделали и делаете для меня, этой печатью служить вам, в чем только вы прикажете...

Владимир Иваныч. Благодарю вас! Но, может быть, вам не совсем будет удобно писать, например, про наше ведомство, так как вы служите у нас: опять, пожалуй, выйдет какая-нибудь глупая история!

Шуберский. Я сам ничего и не буду писать; но у меня есть очень много приятелей-фельетонистов, которые напишут все, что я их попрошу.

Владимир Иваныч. Отлично это, бесподобно!.. И я, признаюсь, весьма был бы доволен, если бы, по поводу назначения господина Андашевского, которое все-таки считаю величайшей ошибкой со стороны графа, в газетах прошла такого рода инсинуация-статья, что отчего-де наше правительство так мало обращает внимания на общественное мнение и на довольно важные посты выбирает людей, у которых

на совести дела вроде дел по Калишинскому акционерному обществу и которые женщину, двадцать лет бескорыстно их любившую, бросают при первом своем возвышении. Понимаете, чтобы в одно и то же время затушевано все было и прозрачно!

Шуберский. Понимаю, и не прикажете ли еще прибавить, что общественное мнение тем более бывает удивлено, что в подобных случаях иногда обходят людей, истинно призванных на известный пост.

Владимир Иваныч. Нет, это зачем же уж!.. Довольно и того!

Шуберский. Слушаю-с! *(Кланяется сначала Владимиру Иванычу, а потом Вильгельмине Федоровне и идет.)*

Владимир Иваныч *(вслед ему).* Пожалуйста, когда будете иметь какую-нибудь просьбу ко мне, адресуйтесь без всякой церемонии.

Шуберский *(еще раз кланяясь в дверях).* Не премину воспользоваться вашим добрым позволением. *(Уходит.)*

Явление IX

Владимир Иванович и Вильгельмина Федоровна.

Владимир Иванович. С этой стороны мы, значит, дадим господину Андашевскому щелчок порядочный... *(Обращаясь к жене.)* А потом ты съездишь к Марье Сергеевне.

Вильгельмина Федоровна *(невинным голосом)*. Хорошо!.. Мне самой очень хочется навестить ее.

Владимир Иванович. Во-первых, навестить ее надобно; а потом... помнишь ты это Калишинское дело, по которому господин Андашевский цапнул триста тысяч?

Вильгельмина Федоровна *(в удивлении)*. Триста тысяч, однако!

Владимир Иванович. Триста тысяч – ни больше ни меньше, и прием этих денег, как сказывал мне сейчас Шуберский, происходил на квартире Марьи Сергеевны и даже в присутствии ее; а потому она, бог знает, может быть, какие доказательства имеет к уличению господина Андашевского.

Вильгельмина Федоровна. Но если и есть у ней такие доказательства, разве она скажет об них.

Владимир Иванович. Скажет, потому что она зла теперь на Андашевского за его измену; а, наконец, она дура набитая: у ней всегда все можно выпросить и даже выманить; главное, нет ли у ней какого-нибудь документика обличающего: письмеца его или записочки?

Вильгельмина Федоровна. Положим, у ней найдется такой документ, и она отдаст его; но что ж потом будет?

Владимир Иваныч. Потом превосходно будет: я двадцать таких писачек, как Шуберский, найду и заставлю их называть в газетах прямо уже по имени господина Андашевского; мало того, я документ этот лично принесу к графу и скажу, что получил его по городской почте для доставления ему.

Вильгельмина Федоровна (*недоверчиво пожимая плечами*). И граф, разумеется, рассердится на тебя за это, потому что Андашевский все-таки его создание, и потом они уже вместе, вдвоем, начнут тебе мстить и преследовать тебя!

Владимир Иваныч. Да хоть бы они голову сняли с меня за то, так я сделаю это!.. Мне легче умереть, чем видеть, как этот плут и подлипала возвышается!..

Занавес падает.

Действие II

Гостиная в квартире Марьи Сергеевны Сониной.

Явление I

Марья Сергеевна, нестарая еще женщина, но полная и не по летам уже обрюзглая, с земляным цветом лица и с немного распухшим от постоянного насморка носом; когда говорит, то тянет слова. Она полулежит на диване, кругом обложенная подушками. Как бы в противоположность ей, невдалеке от дивана, бодро и прямо сидит в кресле Вильгельмина Федоровна, в модной шляпе и дорогой шали.

Вильгельмина Федоровна. Я бы непременно давно у вас была, но полагала, что вы на даче, и только вчера спросила Владимира Иваныча: «Где, говорю, нынче на даче живет Марья Сергеевна?..» – «Какое, говорит, на даче; она в городе и больна!» – «Ах, говорю, как же тебе не грех не сказать мне!» Сегодня уж нарочно отложила все дела в сторону и поехала.

Марья Сергеевна. Я давно больна, третий месяц больна и даже посетовала в душе, что вы не побываете у меня!

Вильгельмина Федоровна. Да вы бы написали мне, я сейчас же бы и приехала к вам.

Марья Сергеевна. А этого я и не сообразила, а потом тоже полагала, что вы также на дачу переехали.

Вильгельмина Федоровна. Нет, мы другой год не живем на даче, – Владимиру Иванычу решительно некогда: он по горло завален делами!.. Наград никаких не дают, а дела

прибавляют, так что я прошу его даже бросить лучше эту службу проклятую.

Марья Сергеевна (*махнув рукой*). Ох, эта уж нынче служба: она всех, кажется, от всего отвлекает!

Вильгельмина Федоровна. Как же не отвлекает!.. Но когда еще она вознаграждается, так это ничего; вот как нашему общему знакомому Алексею Николаичу Андашевскому, тому хорошо служить: в сорок лет каких-нибудь сделан товарищем!

Марья Сергеевна. А вы думаете – легко ему! Он тоже никуда теперь не ездит; у меня каких-нибудь раза два был в продолжение всей моей болезни; пишет, что все делами занят!

Вильгельмина Федоровна (*как бы в удивлении*). Неужели он у вас всего только два раза был?

Марья Сергеевна. Всего!.. Это меня больше и огорчает; а вижу, что нельзя требовать: занят!

Вильгельмина Федоровна. Что ж такое занят! Это уж, видно, не одни занятия его останавливают, а что-нибудь и другое.

Марья Сергеевна (*с некоторым испугом и удивлением*). Что же другое может его останавливать?

Вильгельмина Федоровна. Заважничал, может быть!.. Возгордился, что на такой важный пост вышел.

Марья Сергеевна. Но как же ему, душенька, против меня-то гордиться!.. Вы знаете, я думаю, мои отношения с

ним!.. Что ж, я, не скрываясь, говорю, что пятнадцать лет жила с ним, как с мужем.

Вильгельмина Федоровна. Как же не знать!.. Все очень хорошо знаем и тем больше тому удивляемся! В газетах даже пишут об этом.

Марья Сергеевна (*окончательно испугавшись*). В газетах?

Вильгельмина Федоровна. Да!.. Сегодня Владимир Иваныч, как я поехала к вам, подал мне газету и говорит: «Покажи этот номер Марье Сергеевне; вряд ли не про нее тут написано!» Я и захватила ее с собою (*подает Марье Сергеевне газету*). В этом вон столбце напечатано это!.. (*Показывает ей на одно место в газете.*)

Марья Сергеевна (*начинает неумело и вслух читать*). «Мы сегодня луч нашего фонаря наведем во внутренность одного из петербургских домов, в небольшую, но мило убранную квартиру; в ней сидит с кроткими чертами лица женщина; против нее помещается уже знакомый нашему читателю г. Подстегин. Видно, что бедная женщина преисполнена любви и нежности к нему, но г. Подстегин мрачен и озабочен. Вдруг раздается звонок. Г-н Подстегин проворно встает со своего стула и выходит в залу. Там стоят каких-то двое неизвестных господ; они сначала почтительно кланяются г. Подстегину, а потом начинают с ним шептаться. В результате этого совещания было то, что когда г. Подстегин проводил своих гостей и снова возвратился к своей собесед-

нице, то подал ей на триста тысяч акций Калишинского акционерного общества. «Ангел мой, – говорит он ей, – побереги эти деньги до завтра в своей шифоньерке!» *(Останавливаясь читать и качая головой.)* Да!.. Это так!.. Да!.. Правда!

Вильгельмина Федоровна *(стремительно)*. Правда это, значит?

Марья Сергеевна. Совершенная правда!.. Два дня потом лежали у меня эти деньги: вечером он, по обыкновению, поздно от меня уехав, побоялся их взять с собою; а на другой день ему что-то нельзя было заехать за ними, он и пишет мне: «Мари, будь весь день дома, не выходи никуда и побереги мои триста тысяч!» Так я и стерегла их: целый день все у шифоньерки сидела!

Вильгельмина Федоровна *(с вспыхнувшим от радости лицом)*. А у вас цела эта записочка?

Марья Сергеевна. Цела!.. О, у меня каждая строчка его сохраняется!.. Интересно, кто это пишет!

Вильгельмина Федоровна. Тут дальше еще интереснее будет!.. Позвольте мне вам прочесть: вам, кажется, трудно читать.

Марья Сергеевна. Да, я не привыкла читать; по-французски мне еще легче, – прочтите, пожалуйста!

Вильгельмина Федоровна *(берет газету и начинает бойко и отчетливо читать)*. «Казалось бы, что одно это событие могло связать навеки г. Подстегина с его подругой, но

ничуть не бывало: он кидает ее, как только нужно ему это стало. Напрасно бедная женщина пишет ему, он ей не отвечает! Она посылает к нему свою горничную, – он обещает к ней приехать и не едет!»

Марья Сергеевна (*со слезами уже на глазах*). И это совершенная правда!.. Но кто же, душа моя, мог все это узнать и описать?

Вильгельмина Федоровна (*с улыбкою*). Это пишет черт, который, куда наведет луч волшебного фонаря своего, везде все видит.

Марья Сергеевна. Как черт? Господи помилуй!

Вильгельмина Федоровна. Конечно, не черт, а человек, но у которого везде есть лазейки, шпионы свои, чрез которых он все знает.

Марья Сергеевна. Уж, действительно, настоящий черт: все описал.

Вильгельмина Федоровна. Но вы послушайте еще дальше! (*Читает.*) «Переменим направление нашего луча: перед нами богато убранная гостиная. Г-н Подстегин стоит уже на коленях пред прелестнейшей собой дамой. Она веером тихонько ударяет его по голове и говорит: «Я никогда не выйду за вас замуж, пока вы так дурно будете произносить по-французски!» – «Божество мое! – восклицает Подстегин. – Я учусь у француза произносить слова. Как вы, например, находите, я произношу слово *etudiant*?..¹. Хоро-

¹ студент?... (*франц.*).

шо?» – «Недурно», – отвечает дама и дает ему поцеловать кончик своего мизинца.

Марья Сергеевна. И это правда!.. Он очень дурно произносит по-французски.

Вильгельмина Федоровна. Француз, тоже говорят, как назначили его товарищем, каждый день ходит к нему и учит его.

Марья Сергеевна. Но кто же эта дама? Не я же это?

Вильгельмина Федоровна. Конечно, не вы!.. И я не знаю, правда ли это, но весь Петербург, говорят, понял так, что это Ольга Петровна Басаева.

Марья Сергеевна (*восклицает*). Дочь графа?

Вильгельмина Федоровна. Да!.. Он действительно бывает у ней каждый вечер, по слухам, даже женится на ней; вот и верьте нынче мужчинам!

Марья Сергеевна (*с полными уже слез глазами*). Славно, отлично со мной поступил!.. Но я не допущу этого; не позволю ему это сделать!

Вильгельмина Федоровна. Но как же вы не допустите? Чем? Каким способом?

Марья Сергеевна. А я приду в ту церковь, где их венчать будут, да и лягу поперек двери.

Вильгельмина Федоровна. Разве возможно это? Вы и не узнаете, где они обвенчаются.

Марья Сергеевна. Но не могу же, душа моя, я все это видеть и переносить равнодушно.

Вильгельмина Федоровна. Записочкой вот этой, где он пишет о трехстах тысячах, которые он в вашем доме получил с калишинских акционеров, вы могли бы поугубить его; но вы, конечно, никогда не решитесь на это!

Марья Сергеевна. Отчего же?.. Ничего!.. Если он сам со мной так поступает, то я решусь на все!.. Я добра и кротка только до времени!.. Но чем же я именно наугубляю его этим?

Вильгельмина Федоровна. Тем, что вы записку эту можете напечатать.

Марья Сергеевна. Где же это я напечатать ее?

Вильгельмина Федоровна. В газетах!.. В какой хотите газете можете напечатать.

Марья Сергеевна. Но, душенька, я решительно не сумею это сделать! Если я ему скажу это, он просто рассмеется. «Где, скажет, тебе напечатать!» Он знает, что я ни по каким бумагам ничего не умею сделать... Вы научите уж меня, пожалуйста.

Вильгельмина Федоровна. Да я сама хорошенько не знаю, как это делается; но Владимир Иваныч, если вы позволите, сегодня заедет к вам и поучит вас.

Марья Сергеевна. Ах, пожалуйста!.. Я несказанно буду рада ему; но только я наперед позову к себе Алексея Николаича и выпрошу у него все!.. Может быть, на него тут и клеветают?

Вильгельмина Федоровна. Только вы, бога ради, не проговоритесь как-нибудь ему, что мы с Владимиром Ива-

нычем принимаем в этом участие!.. Вы можете вооружить его против нас навеки; а он все-таки теперь начальник мужа!

Марья Сергеевна. Понимаю я это, милушка, будто этого я не понимаю! Скажу, что в газетах прочла.

Вильгельмина Федоровна. И что газету не я вам привезла, а что вы ее купили.

Марья Сергеевна. Конечно!.. Понимаю!

Вильгельмина Федоровна. А потом, если насчет женьтибы Алексей Николаич станет запираяться, то вы потрeбуйте от него, чтобы он на вас женился; это будет самым верным доказательством, тем больше, что он должен же когда-нибудь это сделать!

Марья Сергеевна (*обрадованная этим советом*). Как же не должен?.. Непременно должен!

Вильгельмина Федоровна. А теперь пока, adieu!.. Я поеду сказать Владимиру Иванычу, чтобы он приехал к вам.

Марья Сергеевна. Да, да!.. Чтоб приехал!..

(*Обе дамы целуются, и Вильгельмина Федоровна уходит.*)

Явление II

Марья Сергеевна (*оставшись одна и беря себя за голову*). Так расстроилась этим известием, что, пожалуй, не в состоянии буду и сообразить, что написать Алексею Николаичу. (*Садится к письменному столу и, начиная писать, проносит то, что пишет.*) «Я прочла в газетах, что вы женились на другой. Приезжайте сейчас же ко мне оправдаться в том. Если вы не приедете, то я напечатаю в газетах все ваши письма ко мне, в которых вы клялись меня вечно любить и где просили меня хранить ваши триста тысяч, которые вы получили в моем доме, и это показывает, до чего вы прежде были откровенны со мной». (*Останавливаясь писать.*) Ну, вот и все, слава богу; теперь только фамилию подпишу... (*Макает перо в чернильницу и хочет продолжать писать, но делает огромное чернильное пятно на письме и восклицает испуганным голосом.*) Вот тебе и раз! (*Слизывает чернильное пятно и вместе с тем смазывает самое письмо и марает себе нос чернилами.*) Ну, все письмо испортила!.. Господи, что я за несчастное существо в мире! Во всем-то мне в жизни неудачи! Больше писать не в состоянии; отправлю как есть. (*Кое-как складывает письмо и кричит.*) Даша!

Входит Даша.

Явление III

Марья Сергеевна и Даша.

Марья Сергеевна. Отнеси поскорей это письмо Алексею Николаичу. *(Отдает Даше письмо.)*

Даша. Слушаю-с! *(Уходит.)*

Явление IV

Марья Сергеевна (*одна и начиная плакать*). Уж именно несчастное существо!.. Больше двух лет, как Алексей Николаич заедет ко мне на какие-нибудь полчаса, никогда не посидит, ничего не расскажет; а теперь и совсем бросить хочет!.. Что я буду делать с собой? Мне скоро жить даже не на что будет: все прожила с ним!.. Не к родным же мне идти на хлеба. Меня никто из них и знать не хочет, а все из-за него; должен он все это понять и хоть сколько-нибудь оценить! Вильгельмина Федоровна совершенно справедливо говорит, что ему надобно жениться на мне!.. (*Продолжает плакать.*)

Входит Даша.

Явление V

Марья Сергеевна и Даша.

Даша. Алексей Николаич сейчас придут к вам.

Марья Сергеевна (*утирая слезы*). Хорошо!

Даша уходит.

Явление VI

Марья Сергеевна (*повеселевши несколько*). Испугался, видно, немножко!.. Теперь я знаю, как держать себя с ним!.. Спасибо Вильгельмине Федоровне, что она научила меня насчет газет!.. Я теперь все буду печатать в газетах, что он против меня сделает.

Явление VII

Марья Сергеевна. Входит Андашевский, господин с рыжею, типическою чиновничьею физиономией; глаза его горят гневом, но рот его улыбается, и видно, что все его старание направлено на то, чтобы сохранить спокойный вид и скрыть волнующую его эмоцию.

Андашевский (*подавая Марье Сергеевне руку и садясь вблизи нее*). Что это за странное письмо вы ко мне написали?

Марья Сергеевна. Как же мне не написать было тебе письма!.. Ты посмотри, что про тебя самого пишут в газетах. (*Подает ему газету.*)

Андашевский (*беря газету и тихо откладывая ее в сторону*). Знаю это я, читал, но почему ж вы думаете, что это про меня писано?

Марья Сергеевна. Потому что тут пишут, как к тебе на квартиру ко мне приходили акционеры, как ты получил с них триста тысяч и дал мне их убраться.

Андашевский (*насильственно смеясь*). Но то же самое могло случиться с тысячею других людей; а потому я никак не могу принять это прямо на свой счет.

Марья Сергеевна. А кто же, по-твоему, эта дама, перед которой ты стоишь на коленях?

Андашевский. Этого тоже я никак уж не знаю.

Марья Сергеевна. А я знаю!.. Это дочь графа, Ольга

Петровна Басаева, на которой ты женишься.

Андашевский (*заметно сконфуженный*). Делает честь твоей прозорливости.

Марья Сергеевна. Пора уж быть прозорливой! Не все оставаться слепой.

Андашевский (*пристально взглядывая ей в лицо*). Мне интереснее всего знать, кто прислал тебе эту газету.

Марья Сергеевна. Никто; я сама ее купила!

Андашевский. Купить ты никак ее не могла; потому что каким же образом ты именно купила тот номер, где, по твоему мнению, напечатано обо мне, – стало быть, все-таки сказал же тебе кто-нибудь об этом!.. Кто тебе это сказал?

Марья Сергеевна (*опешенная этим вопросом*). Я не скажу тебе, кто мне сказал.

Андашевский. Все равно, я после узнаю!

Марья Сергеевна. Ни за что!.. Никогда ты этого не узнаешь! И, пожалуйста, не отклоняйся в сторону от разговора и отвечай мне на мой вопрос: женишься ты на Ольге Петровне или нет? (*Андашевский на это только усмехается, но ничего не говорит. Марья Сергеевна, не отставая от него.*) Женишься или нет?

Андашевский (*довольно протяжно и потупляя в землю свои глаза*). Нет, не женюсь.

Марья Сергеевна. А ты думаешь, что я так сейчас твоим словам и поверила!.. Ты мне должен доказать это!

Андашевский. Но чем же я могу тебе это доказать?

Марья Сергеевна. Тем, что женись на мне!.. Ты давно бы должен был сделать это.

Андашевский (*захохотав уже искренним смехом*). Что за безумие выдумала!

Марья Сергеевна. Отчего же безумие?.. Тут ничего нет такого странного и смешного.

Андашевский. Да как же не смешно! Сколько лет жили, и вдруг ей пришло в голову, чтобы я женился на ней.

Марья Сергеевна. Муж мой только прошлого года помер; раньше и нельзя было; а теперь я непременно требую, чтобы ты женился на мне.

Андашевский. Нет, я не могу на тебе жениться!

Марья Сергеевна. Почему же не можешь?

Андашевский. Потому, что ни моя служба, ни мое положение в свете, ничто мне не позволяет того.

Марья Сергеевна (*очень оскорбленная последними словами*). А, так это, значит, я унижу вас; но только вы ошибаетесь, кажется, в этом случае!.. Ты хоть и чиновен, но отец твой все-таки был пьяный приказный, а мой отец генерал-лейтенант! Братья мои тоже генерал-майоры! Ты вот по-французски до сих пор дурно произносишь и на старости лет должен учиться у француза; а я по-французски лучше говорю, чем по-русски, и потому воспитанием моим тоже не унижу тебя!

Андашевский (*в свою очередь тоже вспыхнувши от последних слов Марьи Сергеевны*). Тут не об унижении говорят,

а то, что, женись на тебе, я, при моем высоком poste, не буду иметь жить на что! Я слишком беден, чтобы вести жизнь женатого человека.

Марья Сергеевна (*крайне удивленная этими словами*). Как ты беден?.. Ты жалованье огромное получаешь и кроме того у меня в доме получил триста тысяч капитала – бедный какой!..

Андашевский (*еще более покраснев*). Послушай, ты, наконец, выведешь меня из терпения этими тремястами тысяч! Ты говоришь о них на каждом шагу и сделала то, что об этом все газеты трубят!.. Понимаешь ли ты, какое зло мне можешь принести этим; а между тем это были казенные деньги, которые я случайно получил у тебя на квартире.

Марья Сергеевна. Ах, боже мой, скажите, пожалуйста, какую дуру нашел, в чем заверить хочет! Зачем же ты в записке своей, которую прислал мне об этих деньгах, прямо просил меня, чтобы я поберегла твои деньги?.. Казенные деньги ты не стал бы называть твоими.

Андашевский. В записке к тебе я и казенные деньги мог назвать своими!.. Это не официальная бумага! Но где ж у тебя эта записка?.. Разве цела еще она?

Марья Сергеевна. Цела и спрятана!

Андашевский. Отдай мне ее сейчас же.

Марья Сергеевна. Нет, не отдам.

Андашевский (*удивленный и взбешенный*). Как же не отдашь?.. Ты не имеешь права не отдать мне ее, потому что она

у тебя может быть украдена; ты можешь умереть одночасно, и ее опишут вместе с другими вещами, а я со всех сторон окружен врагами и шпионами, которые изо всего готовы сделать на меня обвинение.

Марья Сергеевна. Зачем же мне умирать? Ты, вероятно, желаешь этого, а я нет!.. Украсть у меня этой записки тоже никто не украдет: я ее далеко берегу!

Андашевский (показывая на шифоньерку). В этой шифоньерке, конечно?

Марья Сергеевна. Нет, подальше!

Андашевский. Никак уж не подальше!.. Где у вас ключи от нее?

Марья Сергеевна. Ключи потеряны! (При этом она поспешно закрывает руками одну из подушек своих.)

Андашевский. Вот они, видно, где! (Засовывает руку под ту же подушку.)

Марья Сергеевна (кричит). Не дам я вам ключей!

Андашевский (весь красный). Нет, дадите!.. (Вытаскивает из-под подушки руку Марьи Сергеевны, в которой она держит ключи, и начинает отнимать их у нее).

Марья Сергеевна (кричит на всю квартиру). Не дам, – пустите!

Андашевский (тихим, но вместе с тем бешеным голосом). Если ты мне сейчас же не отдашь ключей и не возвратишь записки, я убью тебя, – слышишь! (В это время раздается довольно сильный звонок. Андашевский тотчас же

оставляет руку Марьи Сергеевны, которая, в свою очередь, убегает в соседнюю комнату и кричит оттуда.) Я не отдам вашей записки!.. Я напечатаю ее!

Явление VIII

Андашевский (*один и заметно сконфуженным тоном*).

Какую величайшую неосторожность сделал я тогда, что посвятил эту дуру в мою тайну!.. В голову совершенно не пришло, что я должен с ней непременно буду поссориться; а между тем у себя на казенной квартире неловко было принять этих господ!.. Ее непременно кто-нибудь тут учит и поддувает, а то она, по своей бестолковости и беспамятливости, давно бы все забыла... (*Подумав немного.*) Делать нечего, надобно ехать к Ольге Петровне, признаться ей во всем и посоветоваться с нею.

Входит Даша.

Явление IX

Андашевский и Даша.

Андашевский (*ей*). Кто это звонил?

Даша. Владимир Иваныч Вуланд.

Андашевский. Понимаю теперь, откуда все это идет!..

Проводи меня черным ходом.

Даша. Пожалуйте-с!

Уводит Андашевского.

Явление X

Из дверей в залу входит Владимир Иванович Вуланд.

Владимир Иванович. Господин Андашевский, кажется, изволил здесь быть!.. Посмотрим, посмотрим, какая это записочка его!..

Потирает с удовольствием руки.

Явление XI

Владимир Иванович. Входит Марья Сергеевна, сильно расстроенная.

Марья Сергеевна. Здравствуйте, Владимир Иванович!

Владимир Иванович. Что это вы больны изволите быть и как будто бы чем-то расстроены?

Марья Сергеевна. И больна и расстроена!.. У меня был сейчас Алексей Николаич.

Владимир Иванович (*склоняя голову*). Был; значит, приехал!

Марья Сергеевна. Приезжал, и то себе позволил, что я понять не могу: я спросила его, что правда ли, что он женится на Ольге Петровне Басаевой. Он запирается. Тогда я, как Вильгельмина Федоровна мне советовала, сказала ему, чтобы он на мне женился; боже мой, взбесился, вышел из себя и стал мне доказывать, что он не может на мне жениться, потому что беден, и что даже те триста тысяч, которые он получил при мне, не его будто бы деньги, а казенные!

Владимир Иванович (*восклицает в удивлении*). Как казенные?

Марья Сергеевна (*насмешливо*). Казенные уж стали.

Владимир Иванович. Казенные, так в казну и должны были бы поступить. Как же они у него могли очутиться?

Марья Сергеевна. Ну вот, подите!.. Я говорю ему: «Ты

сам в записке своей ко мне называл их своими деньгами».

Владимир Иваныч. Слышал я от жены об этой записке и, собственно, за тем приехал, чтобы взглянуть на эту записку... Позвольте мне ее видеть!

Марья Сергеевна. Сейчас, сию минуту! *(Подходит к шифоньерке, отпирает ее и, вынув оттуда целый пук писем и записочек, подает его Владимиру Иванычу.)* Она тут должна быть где-нибудь!

Владимир Иваныч *(перебирая письма и просматривая их).* Вижу-с!.. Найду! *(Остановливается на одной записке.)* Вот она, и записка очень важная.

Марья Сергеевна. Должно быть, очень важная; потому что, как только я напомнила ему о ней, он сейчас же стал требовать ее себе; но я не дура: прямо сказала, что не дам ему этой записки... Тогда он, вообразите, силой решил взять ее.

Владимир Иваныч *(опять в удивлении).* Силой?

Марья Сергеевна. Да, бросился к ключам от шифоньерки, так что я едва успела их взять в руку, тогда он схватил мою руку и начал ломать ее.

Владимир Иваныч *(качая головой).* Скажите, пожалуйста!

Марья Сергеевна. Всю руку мне изломал! Я не знаю, как у меня достало силы не выпустить ключей!.. Ломает мне руку, а сам все шепчет: «Я тебя убью, убью, если ты не отдашь мне записки!..» И я теперь в самом деле боюсь, что он

убьет меня.

Владимир Иваныч. О, полноте, господь с вами!

Марья Сергеевна. Нет, вы его не знаете! Он злец ужасный: я все ночи теперь не буду спать и ожидать, что он вернется ко мне в квартиру и убьет меня!

Владимир Иваныч. Если вы его уж так боитесь, так уезжайте куда-нибудь на время из Петербурга, а записочку эту передайте мне с письмом от себя, в котором опишите все, что мне теперь говорили, и просите меня, чтобы я эту записку и самое письмо представил графу, как единственному в этом случае защитнику вашему.

Марья Сергеевна. Что ж граф сделает ему за это?

Владимир Иваныч. О, граф многое может сделать ему: во-первых, видя из вашего письма, как бесчестно этот человек поступил уже в отношении одной женщины, он, конечно, не пожелает выдать за него дочь; да и сама Ольга Петровна, вероятно, не решится на это.

Марья Сергеевна. Это так!.. Да!..

Владимир Иваныч. А по случаю трехсот тысяч и записки, которую он писал к вам о них, граф, полагаю, посоветует Алексею Николаичу жениться на вас, так как вы владеете весьма серьезною его тайною.

Марья Сергеевна. Ах, я очень бы этого желала, потому что я до сих пор ужасно еще люблю его, да и привыкла к нему – сами посудите!

Владимир Иваныч. Вероятно, так это и будет, и мы ме-

сяца через три назовем вас «madame Андашевскою».

Марья Сергеевна. Благодарю вас за ваше доброе желание.

Владимир Иванович. Записочку эту вы позволите, значит, мне взять с собою! (*Кладет записку себе в карман.*) А письмо от себя, как я вам говорил, вы потом пришлете!

Марья Сергеевна. Непременно пришлю! Только я хоть и больна теперь, но завтра же уеду из Петербурга: я ужасно боюсь здесь оставаться.

Владимир Иванович. Это как вам угодно!.. Конечно, если ехать, так чем скорее, тем лучше! Главное, не забудьте письмо-то ко мне написать и прислать!

Марья Сергеевна. Никак не забуду!

Владимир Иванович целует у нее руку, а она его в лоб, и затем Вуланд уходит.

Явление XII

Марья Сергеевна (*оставшись одна и, видимо, поверившая всем словам Вуланда*). Как только я сделаюсь женою Алексея Николаича, так непременно стану покровительствовать Вуланду. Он и жена его такое участие показали мне в теперешнем моем неприятном положении, что, ей-богу, редко встретишь подобное от самых близких родных!

Занавес падает.

Действие III

Огромная и красивая дача, большая терраса которой, увитая плющом и задрапированная полотном, выходит в сад, простирающийся до самого взморья. На горизонте виднеется заходящее солнце.

Явление I

На одном конце террасы сидит граф Зыров, седой уже старик, с энергическим и выразительным лицом, с гордой осанкой и с несколько презрительной усмешкой: привычка повелевать как бы невольно выказывается в каждом его движении. Одет он довольно молодежavo, в коротеньком пиджаке и с одним только болтающимся солдатским Георгием в петличке. На другом конце террасы поместилась дочь графа, Ольга Петровна Басаева, молодая вдова, с несколько сухой, черствой красотой, но, как видно, очень умная и смелая. Костюм ее отличается безукоризненным вкусом и самой последней моды.

Ольга Петровна (*заметно горячась*). Этот князь Янтарный, папа, или, как ты очень метко его называешь, азиатский князь, на вечере у madame Бобриной, на всю гостиную a pleine voix² кричал: «Как это возможно: граф Зыров на такое место, которое всегда занимали люди нашего круга, посадил никому не известного чиновничка своего!» Я вышла, наконец, из себя и сказала: «Князь, пощадите!.. Вы забываете, что я дочь графа!..» «Ах, pardon, madame, говорит, но я графа так люблю, так уважаю, что не могу не быть удивленным последним выбором его, который никак не могу ни понять, ни оправдать чем-либо...»

² во весь голос (*франц.*).

Граф (*презрительно усмехаясь*). Как же ему и понять мой выбор, когда он сам просился на это место.

Ольга Петровна. Я это предчувствовала и даже кольнула его этим: «Нельзя, говорю, князь, требовать, чтобы все назначения делались по нашему вкусу. Мало ли чего человек желает, но не всегда того достигает!» Его немножко передернуло. «Английская, говорит, аристократия никогда не позволяет себе открывать такой легкий доступ новым людям в свою среду!» – «Позвольте, говорю, а Роберт Пиль и Д'Израэли?» – «Роберт Пиль и Д'Израэли и господин Андашевский две вещи разные: то люди гениальные!»

Граф (*с прежней презрительной усмешкой*). А может быть, и Андашевский человек гениальный! Почему они знают его? Они его совершенно не ведают.

Ольга Петровна. Они нисколько и не заботятся узнать его; а говорят только, что это человек не их общества, и этого для них довольно.

Граф (*вспылив наконец*). Что ж мне за дело до их общества!.. Я его и знать не хочу – всякий делает, как ему самому лучше: у меня, собственно, два достойных кандидата было на это место: Вуланд и Андашевский – первый, бесспорно, очень умный, опытный, но грубый, упрямый и, по временам, пьяный немец; а другой хоть и молодой еще почти человек, но уже знающий, работающий, с прекрасным сердцем и, наконец, мне лично преданный.

Ольга Петровна (*с некоторой краской в лице*). Тебе он,

папа, предан и любит тебя больше, чем сын родной.

Граф. Это я знаю и многие доказательства имею на то! Неужели же при всех этих условиях не предпочесть мне было его всем?

Ольга Петровна. Об этом, папа, и речи не может быть!.. Иначе это было бы величайшей несправедливостью с твоей стороны, что я и сказала князю Янтарному: «И если, говорю, граф в выборе себе хорошего помощника проманкировал своими дружественными отношениями, то это только делает честь его беспристрастию!» – «Да-с, говорит, но если все мы будем таким образом поступать, то явно покажем, что в нашем кругу нет людей, способных к чему-либо более серьезному».

Граф. И действительно нет!.. Хоть бы взять с той же молодежи: разве можно ее сравнить с прежней молодежью?.. Между нами всегда было, кроме уж желания трудиться, работать, некоторого рода рыцарство и благородство в характерах, а теперь вот они в театре накричат и набуянят, и вместо того, чтобы за это бросить, заплатить тысячи две – три, они лучше хотят идти к мировому судье под суд: это грошевики какие-то и алтынники!

Ольга Петровна. Все это, может быть, справедливо; но тут досадно, папа, то, что, как видно, все, старые и молодые, разделяют мнение князя Янтарного, потому что я очень хорошо знаю Янтарного: он слишком большой трус, чтобы позволить себе в таком многолюдном обществе так резко выра-

жать свое мнение, если бы он ожидал себе встретить возражение, напротив: одни поддерживали его небольшими фразами, другие ободряли взглядами; наконец, которые и молчали, то можно наверное поручиться, что они думали то же самое.

Граф. И пусть себе думают, что хотят! Я на болтовню этих господ никогда не обращал никакого внимания и обращаться не буду.

Ольга Петровна. Ты этого не говори, папа!.. Крик этих господ для людей таких значительных, как ты и Андашевский, гораздо опаснее, чем что-нибудь другое, а тем больше, что к этому присоединилась опять какая-то статья в газетах.

Граф (*нахмуривая брови*). Опять статья?

Ольга Петровна. Опять!.. Очень резкая, говорят, и прозрачная. Ты бы, папа, какие-нибудь меры принял против этого.

Граф (*пожимая плечами*). Какие же я могу принять меры?.. (*Насмешиливо.*) Нынче у нас свобода слова и печати. (*Встает и начинает ходить по террасе.*) Нечего сказать, — славное время переживаем: всем негодьям даны всевозможные льготы и права, а все порядочные люди связаны по рукам и по ногам!.. (*Прищуривается и смотрит в одну из боковых аллей сада.*) Что это за человек ходит у нас по парку?

Ольга Петровна. Это, вероятно, Мямлин!.. Я привезла его с собою... Он один на вечере у madame Бобриной заступался за тебя и очень умно, по-моему, доказывал, что нынче

все службы сделались так трудны, так требуют от служащих многого, что на важные места возможно только сажать людей совершенно к тому приготовленных.

Граф (*с презрительной усмешкой*). Это, вероятно, он себя считает совершенно приготовленным на освободившееся место Андашевского.

Ольга Петровна (*стремительно*). И ты, папа, определи его непременно!

Граф (*с удивлением взглядывая на дочь*). Что ты такое говоришь?.. Шутишь, что ли?

Ольга Петровна. Нет, не шучу, и я тебе сейчас объясню, почему я так говорю: ты вспомни, что Мямлин – родной племянник князя Михайлы Семеныча, и когда ты определишь его к себе, то самому князю и всему его антуражу будет это очень приятно и даст тебе отличный противовес против всех сплетен и толков у madame Бобриной, которыми, опять я тебе повторяю, вовсе не следует пренебрегать. (*Граф грустно усмехается.*) Ты поверь, папа, женскому уму: он в этих случаях бывает иногда дальновиднее мужского.

Граф. Но каким же образом дать Мямлину какое бы то ни было серьезное место, когда его корчит и кобенит почти каждоминутно?

Ольга Петровна. Это, папа, болезнь, а не порок; но что Мямлин умен, в этом я убедилась в последний раз, когда он так логично и последовательно отстаивал тебя. (*Граф отрицательно качает головой.*) Ты, папа, не можешь судить об

его уме, потому что, как сам мне Мямлин признавался, он так боится твоего вида, что с ним сейчас же делается припадок его болезни и он не в состоянии высказать тебе ни одной своей мысли.

Граф (*усмехаясь*). Какие у него мысли?.. У него никогда, я думаю, не бывало в голове ни одной своей собственной мысли.

Ольга Петровна. Даже, папа, если бы и так это было, то я все-таки прошу тебя определить его; если не для него, так для меня это сделай.

Граф. Но почему ж тебе так желается этого?

Ольга Петровна. Желается, папа, потому что это будет полезно для тебя и, наконец, для меня самой.

Граф (*пожимая плечами*). Не понимаю, почему это тебе может быть нужно!.. Во всяком случае, я должен об этом прежде поговорить и посоветоваться с Андашевским.

Ольга Петровна. С Андашевским я говорила; он сам этого желает и сию минуту, вероятно, приедет просить тебя о том же.

Граф (*взглядывая пристально на дочь*). Где ж ты видела Андашевского?

Ольга Петровна. Он вчера вечер сидел у меня.

Граф. Стало быть, он бывает у тебя довольно часто?

Ольга Петровна. Бывает!.. Позволь мне позвать к тебе Мямлина, и обещай ему это место! *Soyez si bon, cher pere,*

nommez le directeur³. (*Подходит и начинает ласкаться к отцу.*) Я позову его, папа?.. Да?

Граф (*пожимая плечами*). Позови, пожалуй.

Ольга Петровна. Вот за это мерсі, рара! (*Целует отца в лоб и сбегает с лестницы.*)

³ Будьте так добры, дорогой отец, определите его директором (*франц.*).

Явление II

Граф (*смотря вслед дочери*). Умная женщина – Ольга! Как она скоро и хорошо поняла всю эту нашу глупую служебную махинацию, и только мне одно тут подозрительно, что она очень уж сблизилась последнее время с Андашевским, и что это такое: дружба ли, или более нежное чувство?.. Во всяком случае, я весьма бы не желал, чтобы из этого произошло что-нибудь серьезное, потому что какой бы по личным качествам своим этот господин ни был, но все-таки он parvenu⁴ и хам по своему происхождению! (*Входит Ольга Петровна, ведя за собой Мямлина.*)

⁴ выскочка (*франц.*).

Явление III

Граф, Ольга Петровна и Мямлин.

Ольга Петровна (*Мямлину*). Граф здесь!.. Я просила его за вас, сколько могла.

Граф (*довольно приветливо протягивая Мямлину руку*). Здравствуйте!.. Вы, как я слышал, желаете получить бывшее место Алексея Николаича?

Мямлин (*делая над собой страшное усилие, чтобы не начать гримасничать*). Очень желаю, ваше сиятельство.

Граф. Но совладаете ли вы с ним? Это место очень трудное и ответственное.

Мямлин (*решительным тоном*). Совладаю, ваше сиятельство. Я совершенно готов на это место.

Граф. Ну, смотрите: я вас назначу, только уж на себя после пеняйте, если что будет выходить между нами.

Мямлин (*обезумевшим от радости голосом*). Благодарю вас, ваше сиятельство!.. (*Кидается к графу и хватает его руку, чтобы поцеловать ее.*)

Граф (*не давая ему руки и с презрением*). Перестаньте!.. Как это можно!.. Вы сядьте лучше и успокойтесь! (*Все садятся. Лицо Мямлина начинает мало-помалу принимать более спокойное выражение.*)

Ольга Петровна (*обращаясь к нему*). А какой мы милый спор с вами выдержали на вечере у madame Бобриной.

Мямлин (*пожимая плечами*). Это невероятно!.. Это непостижимо!.. Требуют, чтобы на все высшие должности назначались их знакомые, на том только основании, что они люди хороших фамилий; но, боже мой, я сам ношу одну из древнейших дворянских фамилий; однако помыслить никогда не смел получить то место, которое занял теперь Алексей Николаич, сознавая, что он учней меня, способнее, и что одним только трудолюбием и добросовестным исполнением своих обязанностей я могу равняться с ним, и в настоящее время за величайшую честь для себя и милость со стороны графа считаю то, что он предложил мне прежнее место Алексея Николаича.

Ольга Петровна. Князь Янтарный, видно, не так добросовестен, как вы, и больше об себе думает.

Мямлин. Что человек думает об себе больше, чем он, может быть, заслуживает, – это еще извинительно; но высказывать это так прямо и открыто, по-моему, дерзость!.. В этом случае надобно вспомнить об Европе и об ее общественном мнении: не дальше, как прошлым летом, я, бывши в Эмсе на водах, читал в одной сатирической немецкой газетке, что в России государственных людей чеканят, как талеры: если мальчика отдали в пажеский корпус, то он непременно дойдет до каких-нибудь высших должностей по военной части, а если в училище правоведения или лицей, то до высших должностей по гражданской части!.. Все это, может быть, очень зло, но, к счастью для нас, не совсем справедливо,

а между тем что же бы заговорили подобные газеты о России, если бы еще устроился порядок, которого желают друзья madame Бобриной?

Ольга Петровна. Они, я думаю, очень мало заботятся о России: было бы им хорошо.

Мямлин. Да-с, но в то же время это показывает, что они совершенно не понимают духа времени: я, по моей болезни, изъездил всю Европу, сталкивался с разными слоями общества и должен сказать, что весьма часто встречал взгляды и понятия, которые прежде были немислимы; например-с: еще наши отцы и деды считали за величайшее несчастье для себя, когда кто из членов семейств женился на какой-нибудь актрисе, цыганке и тем более на своей крепостной; а нынче наоборот; один английский врач, и очень ученый врач, меня пользовавший, узнав мое общественное положение, с первых же слов спросил меня, что нет ли у русской аристократии обыкновения жениться в близком родстве? Этот вопрос точно молния осветил мою голову! Я припомнил, что действительно отец мой был женат на троюродной сестре, дед – вряд ли не на двоюродной, и что еще при Иоанне Грозном один из моих прадедов женился на такой близкой родне, что патриарх даже разгневался!.. Рассказываю я ему все это... «Вот, говорит, причина вашей болезни: в вашем роде не обновлялась кровь никакими новыми элементами. Жениться-с, говорит, непременно надобно на женщинах другого общества, иных занятий, чужеземках», и в доказательство тому привел

довольно скабресный пример!..

Ольга Петровна. Какой же это?

Мямлин. О, при дамах неловко повторять!

Ольга Петровна. Ничего, извольте говорить.

Мямлин (*конфузясь*). Привел в пример... наш... орловский лошадиный завод, которого все достоинство произошло от смеси двух пород: арабской и степной.

Ольга Петровна. Сравнение не совсем лестное, но, может быть, и справедливое.

Мямлин. Очень справедливое-с! Я передавал его князю Михайле Семенычу; оно тоже ему очень понравилось.

Граф (*которому, видимо, наскучило слушать все эти рассуждения Мямлина, обращаясь к нему*). А, скажите, вы рассказывали князю ваш разговор и спор на вечере у madame Бобриной?

Мямлин. От слова до слова-с!

Граф. Что же князь на это? Мне очень любопытно это знать!

Мямлин. Князь в раж пришел, в гнев. «Как, говорит, смеют они судить такие вещи: я пошлю к ним чиновника сказать, чтобы они замолчали!»

Граф. Стало быть, он нисколько не разделяет их толков обо мне?

Мямлин. Нисколько-с! Он всегда с этим кружком был немножко в контре; но теперь вот вы меня выбрали, а они кричат против вас, это еще больше его восстановит; и за мое

назначение он, вероятно, сам придет благодарить вас.

Граф. Очень рад буду его видеть у себя. *(На этих словах Мямлин вдруг понуривает головой и начинает гримасничать. Граф, испугавшись даже несколько.)* Что такое с вами?

Мямлин. Припадок опять начался... говорил много... взволновался несколько... Позвольте мне уйти в сторону.

Граф. Пожалуйста! *(Мямлин отходит в сторону и принимается как бы с величайшим наслаждением выделывать из лица разнообразнейшие гримасы, трет у себя за ухом, трет нос свой. Граф, смотря на него.)* Какой несчастный!

Ольга Петровна *(вполголоса)*. Да; но согласись, папа, что он очень умный человек!

Граф *(тоже вполголоса)*. Ничего себе: благерствовать⁵ может!

⁵ Благерствовать – хвастать, привирать *(франц. blaguer)*.

Явление IV

Те же и лакей.

Лакей. Алексей Николаич.

Граф. Говорил тебе, что принимать всегда без доклада.

Лакей. Алексей Николаич сам приказал доложить об себе.

Уходит, Мямлин между тем снова подходит к графу.

Явление V

Граф, Ольга Петровна и Мямлин.

Граф (*Мямлину*). Что, вам лучше теперь?

Мямлин (*продолжая немного гримасничать*). Прошло несколько!

Явление VI

Те же. Входит Андашевский; вид его совсем иной, чем был в предыдущей сцене: он как будто бы даже ниже ростом показывает; выражение лица у него кроткое, покорное в как бы несколько печальное. Он со всеми раскланивается.

Граф. Как вам не совестно, Алексей Николаич, велеть о себе докладывать.

Андашевский. Но я полагал, ваше сиятельство, что не заняты ли вы чем-нибудь.

Граф. Вы никогда не можете помешать никаким моим занятиям!.. А теперь я действительно занят был и извиняюсь только, что предварительно не посоветовался с вами: я на прежнее место ваше назначил Дмитрия Дмитрича Мямлина!.. Не имеете ли вы чего-нибудь сказать против этого выбора?

Андашевский (*почтительно склоняя перед графом голову*). Ваше сиятельство, в выборе людей вы показывали всегда такую прозорливость, что вам достаточно один раз взглянуть на человека, чтобы понять его, но Дмитрия Дмитрича вы так давно изволите знать, что в нем уж вы никак не могли ошибиться; я же с своей стороны могу только душевно радоваться, что на мое место поступает один из добрейших и благороднейших людей.

Мямлин (*со слезами на глазах*). А мне позвольте вас,

граф, и вас, Алексей Николаич, благодарить этими оросившими мои глаза слезами, которые, смею заверить вас, слезы благодарности, да стану еще я за вас молиться богу, потому что в этом отношении я извиняюсь: я не петербуржец, а москвич!.. Человек верующий!.. Христианин есмь и православный!.. *(Обращаясь к Ольге Петровне.)* А вам, Ольга Петровна, могу высказать только одно: я считал вас всегда ангелом земным, а теперь вижу, что и не ошибся в том; за вас я и молиться не смею, потому что вы, вероятно, угоднее меня богу.

Граф *(видимо, опять соскучившийся слушать Мямлина и обращаясь к Андашевскому)*. Вы завтра же потрудитесь сказать, чтобы о назначении господина Мямлина составили доклад.

Андашевский. Очень хорошо-с!

Граф. А теперь я желал бы остаться с Алексеем Николаичем наедине.

Мямлин *(почти струсив)*. Слушаюсь!.. Слушаюсь!.. *(Торопливо раскланивается со всеми общим поклоном и проворно уходит, виляя своим задом.)*

Явление VII

Граф, Ольга Петровна и Андашевский.

Ольга Петровна. Я тоже пойду и похожу по саду!.. Вы позовите меня, когда кончите. (*Уходит.*)

Граф и Андашевский остаются на террасе, а Ольга Петровна начинает ходить около, в весьма недалеком расстоянии от террасы.

Граф. Ольга мне сказывала, что в газетах опять появилась статья о Калишинском акционерном обществе.

Андашевский. Даже две-с!.. Одна в понедельничном номере, а другая в сегодняшнем.

Граф. И что же они в общих чертах, намеках только говорят?

Андашевский. В понедельничной только в намеках сказано; а в нынешней я прямо по имени назван и опозорен, как только возможно.

Граф. Это лучше наконец, что вас назвали прямо по имени. Теперь вы можете начать судебное преследование против автора этих статей; вы, конечно, знаете его?

Андашевский. Полагаю, что это один из наших чиновников, Шуберский, который прежде писал об этом и даже признался мне в том.

Граф. Но отчего его тогда же не выгнали?

Андашевский. Из моей экспедиции он тотчас после то-

го вышел, но его взял к себе на службу Владимир Иванович Вуланд.

Граф. Зачем же Вуланд это сделал?

Андашевский. Вероятно, чтобы досадить и повредить мне, и даже настоящие статьи, как известно мне, писаны под диктовку господина Вуланда.

Граф (*удивленный*). Вуланда?

Андашевский. Самые положительные доказательства имею на это. Он и прежде всегда мне завидовал, а теперь, по случаю назначения моего, сделался окончательно злейшим врагом моим.

Граф (*сильно рассердясь*). О, в таком случае я поговорю с господином Вуландом серьезно. Я не люблю, чтобы под мои действия вели подкопы!.. Шуберскому сказать, чтобы он сейчас же подал в отставку, а вас я прошу начать судебное преследование против него за клевету на вас, потому что я желаю, чтобы вы публично и совершенно были оправданы в общественном мнении.

Андашевский (*смущенным и робким голосом*). Нет, ваше сиятельство, я не могу начать против господина Шуберского судебного преследования!

Граф (*удивленным и недовольным тоном*). Это почему?

Андашевский. Потому, что он может доказать справедливость своих обвинений против меня!

Граф (*все более и более приходя в удивление*). Но каким же образом и чем он может доказать это?

Андашевский. Тем, что, вероятно, даже письменные какие-нибудь доказательства имеет на то; так как происшествие, которое он описывает, в самом деле существовало.

Граф *(как бы пораженный громом)*. Как существовало?.. И вы действительно с этих акционеров взяли триста тысяч?

Андашевский *(с трепетом в голосе)*. Взял-с.

Граф *(все еще как бы не верящий тому, что слышит)*. Алексей Николаич, что вы такое говорите? Вы или помешались, или шутите надо мной, то я напоминаю вам, что шутки такие неприличны!

Андашевский. Я бы никогда, ваше сиятельство, не позволил себе шутить таким образом; но, к несчастью, все, что я докладывал вам, совершенно справедливо.

Граф. Но что же вам за охота такая пришла докладывать мне? Отчего вы не хотели скрыть от меня этого?

Андашевский. Оттого, ваше сиятельство, что я всегда и во всем привык быть откровенен с вами.

Граф. Но вы бы лучше пораньше были откровенны со мной, когда я вас не выбирал еще в товарищи себе, тогда я, может быть, и поостерегся бы это сделать.

Андашевский. Я полагал, ваше сиятельство, что дело это затухнет и что уже о нем никогда никакой огласки не будет!

Граф. Расчет благородный и особенно в отношении меня!.. Я ездил всюду, кричал, ссорился за вас и говорил, что за вашу честность я так же ручаюсь, как за свою собственную, и вы оказались вор!.. *(Андашевский вздрагивает всем телом.)*

И что я теперь должен, по-вашему, делать? Я должен сейчас же ехать и просить, как величайшей справедливости, чтобы вас вышвырнули из службы, а вместе с вами и меня, старого дурака, чтобы не ротозейничал.

Андашевский (*совершенно сконфуженный*). Ваше сиятельство, позвольте мне хоть сколько-нибудь оправдаться перед вами!..

Граф (*перебивая его*). Чем-с?.. Чем вы можете оправдаться, когда вы сами говорите, что пойманы почти с поличным?

Андашевский. Я, ваше сиятельство, не смел бы и просить вас о том, если бы от этого зависела только одна моя участь, но тут замешаны имя и честь вашей дочери.

Граф (*поблуднев*). Как моей дочери?

Андашевский. Вашей дочери, граф! Вы, конечно, изволите помнить, что, по бесконечной доброте вашей ко мне, вы мало что благодетельствовали мне на службе, но ввели меня в ваш дом, как гостя... Здесь я встретил Ольгу Петровну... Человек может владеть своими поступками, но не чувствами!.. Страсть безнадежная, но, тем не менее, пожирающая меня, зажглась в моем сердце к Ольге Петровне.

Граф. Врете-с! Лжете!.. Весь Петербург, я думаю, знает, что у вас всегда была любовница.

Андашевский. Любовь и любовница, ваше сиятельство, две вещи разные, и видит бог, что я десять лет уже люблю Ольгу Петровну, но, видя, что она была жена другого, понимая всю бездну, которая разделяла нас по нашему обще-

ственному положению, я, конечно, взглядом малейшим не позволял себе выразить чувства к ней и только уже в последнее время, когда Ольга Петровна сделалась вдовою и нам пришлось случайно встретиться за границей на водах, то маленькое общество, посреди которого мы жили, и отсутствие светских развлечений сблизили нас, и здесь я, к великому счастью своему, узнал, что внушаю Ольге Петровне то же самое чувство, которое и сам питал к ней.

Граф (*насмешливо*). Но почему же чувство это заставило вас взять взятку, вот этого, признаюсь, не понимаю.

Андашевский (*трепещущим голосом*). Вопрос ваш, ваше сиятельство, заставляет меня открыть вам то, что я думал унести в могилу с собою... Чувство мое заставило меня сделать это, потому что когда я возвратился в Петербург, то через два же месяца получил от Ольги Петровны письмо, где она умоляла меня достать и выслать к ней двести тысяч франков, которыми она могла бы заплатить долги свои; а иначе ей угрожала опасность быть посаженной в тюрьму!.. Я мог все в жизни вынести, но только не это!.. Своих денег у меня не было почти нисколько... Я первоначально бросился было ко всем контористам, чтобы занять у них, но они мне без материального обеспечения не доверяли такой значительной суммы... В это время решалось дело по Калишинскому акционерному обществу: оно без всякого ущерба в справедливости могло быть решено так, как и решили его; но я поехал к учредителям, обманул их, напугал, говоря, что

дело их тогда только будет выиграно, если они выдадут мне пай, и они мне выдали его в триста тысяч.

Граф (*насмешливо и пристально взглядывая в лицо Андашевскому*). Сумма, немного превышающая долг моей дочери.

Андашевский. Я взял, сколько мне дали, ожидая, что у Ольги Петровны могут открыться другие долги!

Граф (*с едва сдерживаемым бешенством*). Что ж, они открылись?

Андашевский (*покраснев немного в лице*). Открылись!

Граф. Печный и предусмотрительный вы обожатель, и недостает теперь только одного, чтобы вы еще лично меня впутали в эту гнусную историю!..

Ольга Петровна, все время ходившая около, при последних словах графа вошла на террасу.

Ольга Петровна. Вы, Алексей Николаич, в рассказе отцу забыли ему напомнить, что прежде, чем я обратилась к вам, я писала ему и со слезами просила его заплатить мой долг, а он мне даже не отвечал на мои письма.

Граф. Нечем мне было платить твоих долгов!

Ольга Петровна. Было бы чем, папа, если бы у тебя деньги на другое не ушли!.. (*Снова обращаясь к Андашевскому.*) Графу, я вижу, Алексей Николаич, неприятен ваш великодушный поступок в отношении меня; но я его очень дорого ценю и завтрашний же день желаю сделаться вашей женой, с полною моею готовностью всюду следовать за вами,

какая бы вас участь ни постигла.

В ответ на это Андашевский молча ей кланяется, а граф почти в отчаянии закидывает голову назад и произносит негромким голосом: «O, mon dieu, mon dieu!»⁶

⁶ «O боже, боже!» (франц.).

Явление VIII

Те же и лакей; потом без лакея.

Лакей. Владимир Иваныч Вуланд!

Андашевский (*потупляясь*). Вероятно, с доносом на ме-

ня.

Граф (*дочери и Андашевскому*). Уйдите же... Не могу я с ним при вас объясняться.

Андашевский и Ольга Петровна уходят.

Явление IX

Граф. Входит Вуланд. Он несколько бледен и смущен.

Граф (*ему строго*). Очень кстати, что вы приехали. Я хотел было послать за вами курьера.

Вуланд (*довольно грубым голосом*). Радуюсь, что предупредил желание вашего сиятельства.

Граф. Я хотел с вами поговорить по поводу глупых газетных статей, которые опять стали появляться о калишинском деле.

Вуланд. И я, собственно, ехал к вашему сиятельству отчасти по тому же делу.

Граф. Прекрасно-с!.. Мы сошлись поэтому в наших желаниях!.. Статьи эти пишет один из покровительствуемых вами чиновников, Шуберский. Я желаю, чтобы он минуты у нас не оставался на службе.

Вуланд. Эти статьи пишет не Шуберский!..

Граф. Кто ж их пишет?

Вуланд. Я не знаю, кто, но господин Шуберский, когда я брал его к себе, клятвенно мне обещался никогда не писать о том, что совершалось или будет совершаться в нашем ведомстве.

Граф. Ну, клятвы своей он не сдержал!.. Мало того-с: я знаю, что статьи эти вы ему диктуете; а я со шпионами и клеветниками служить не желаю – извольте искать себе дру-

того места!

Вуланд (*побледнев*). Это, вероятно, господин Андашевский представил все вашему сиятельству в превратном виде; но в этих статьях ни я, ни господин Шуберский нисколько не участвовали; а что они являются, так потому, что дело это огласилось на весь Петербург и что оно не выдуманно, а факт, так я даже доказательство имею на то: госпожа Сониная, бывшая близкою особою господина Андашевского, прислала мне письмо, удостоверяющее, что все напечатанное в газетах совершенно справедливо, и к этому присоединила даже собственноручную записку господина Андашевского, подтверждающую этот факт, прося все это представить вашему сиятельству, что я и исполняю в настоящем случае!.. (*Подает графу письмо Сониной и записку Андашевского.*)

Граф (*бегло взглянув на то и на другое*). Ничего этого знать я не хочу!.. Вот все это!.. Вот! (*Рвет письмо и записку.*)

Вуланд (*окончательно побледнев*). Ваше сиятельство, вы уничтожаете документ!

Граф (*кричит*). Никакого тут документа нет!.. Мало ли о каких деньгах он мог писать ей!.. Вот все ваши документы! (*Рвет письмо и записку еще на более мелкие куски и бросает их на пол.*) А я вам повторяю, что с доносчиками и клеветниками я служить не желаю!

Вуланд. Не желать со мной служить вы можете, но уничтожать документы вы не имеете права, – я жаловаться на то буду!

Граф. Никаких документов тут не было! Идите вон, когда вы так позволяете себе говорить!

Вуланд (*грубо и мрачно*). Уйти я уйду, а жаловаться все-таки буду! (*Поворачивается и уходит.*)

Явление X

Граф один; потом Андашевский и Ольга Петровна.

Граф (*кидаясь в кресло и начиная хохотать каким-то сумасшедшим смехом*). Ха-ха-ха! Отлично, превосходно поступаю!..

Входят Андашевский и Ольга Петровна, подслушивавшие в соседней комнате предыдущую сцену. Граф, злобно и насмешливо обращаясь к ним.

Надеюсь, что вы довольны мною!.. И это делает, по милости вашей, шестидесятилетний человек, имя которого никогда и ничем не было запятнано! Да будьте вы прокляты!.. (*Уходит, сильно хлопнув дверьми, в комнаты.*)

Явление XI

Андашевский и Ольга Петровна.

Ольга Петровна (*пожимая плечами*). Сумасшедший старик!

Андашевский (*как бы все еще не могший прийти в себя от предыдущей сцены с графом*). Я, однако, никак не ожидал, чтобы все это так благополучно кончилось! (*Подбирает с полу клочки разорванных писем и показывает их Ольге Петровне.*) Посмотри, пожалуйста, в какие мелкие кусочки он разорвал письма!..

Ольга Петровна. Я тебе это предсказывала! Сказать ему откровенно самое лучшее было!.. Он очень хорошо чувствует, что виноват тут! Он пять тысяч душ моей покойной матери прожил на разных своих балетчиц! Однако пойдем поскорее и сейчас же устроим, чтобы завтра нам и обвенчаться! Надобно скорей его этим связать.

Андашевский. О, да, необходимо!

Оба уходят озабоченной походкой.

Занавес падает.

Действие IV

Изящно убранная гостиная в квартире Андашевых.

Явление I

Входит Мямлин и князь Янтарный. Первый, по обыкновению, с своим немного подергивающимся, бабьим лицом, в невычищенном вицмундире, с непричесанными клочковатыми волосами, с грязными ногтями, но зато в звезде и во всех крестиках и медалях, какие когда-либо получал. Князь Янтарный, довольно нестарый еще и красивый из себя мужчина, с большими черными и даже с поволокой, но вместе с тем ничего не выражающими глазами, напротив, выстрижен почти под гребенку и подбородок имеет тщательнейшим образом выбритый, который, однако, все-таки остается немного черноватым от необыкновенной густоты волос. Одет князь в белый галстук и в новенький, с иголки, вицмундирный фрак; шляпа и лаковые сапоги его блестят почти до неприличия. Все слова свои он произносит, заметно важничая и закрывая для этого немного глаза свои, и вообще речь его должна быть несколько похожа на журчанье ручья.

Мямлин (*видимо, стараясь втолковать что-то такое князю Янтарному*). Я вам говорю, что Ольга Петровна все это устроила... У ней при мне был разговор об этом с Алексеем Николаичем.

Князь Янтарный. Странно!.. Встречаясь в обществе, я всегда с ней немного пикировался и на ее маленькие стрелы отвечал довольно колко; но, может быть, этим самым я вы-

игрывал в ее глазах, – qui peut comprendre la femme!⁷

Мямлин. Непременно этим самым-с! Она женщина большого ума! Насквозь понимает людей! Хоть бы взять-с меня! Вуланд совершенно в грязь меня втоптал перед графом... Она меня спасла!

⁷ кто может понять женщину! (франц.).

Явление II

Те же и Ольга Петровна, уже madame Андашевская.

Мямлин (*быстро хватая князя Янтарного за руку и представляя его Ольге Петровне*). Madame!.. Permettez moi de vous presenter⁸: князь Янтарный!

Ольга Петровна. Мы с князем знакомы давно. (*Любезно протягивает обоим гостям свою ручку и затем, легким движением головы пригласив их садиться, сама тоже садится.*)

Князь Янтарный и Мямлин садятся в несколько церемонно-визитной позе.

Князь Янтарный (*немного привставая с своего кресла и прижимая вместе с наклоном головы руку к сердцу*). Pardon, madame, что я являюсь к вам в этой ливрее нашей, – но я приехал к вам почти официально, чтобы бесконечно благодарить вас за ваше доброе участие, которое, как вот Дмитрий Дмитрич (*показывает на Мямлина*) передавал мне, вы принимали в определении моем на место господина Вуланда.

Ольга Петровна (*с живостью*). А вы уже определены... Ах, я очень рада!

Князь Янтарный. Алексей Николаич еще недели две тому назад заехал ко мне и говорит, что Владимир Иваныч Ву-

⁸ Мадам!.. Разрешите мне вам представить (*франц.*).

ланд скоропостижно помер. Это так меня фрапировало!.. Я перед тем только еще обедал с Вуландом в Английском клубе, и он был совершенно здоров!.. Как, почему и отчего человек умер?

Ольга Петровна (*немного сконфуженная этими словами*). У него, кажется, аневризм был.

Мямлин. Да и жизни был невоздержной – это что таить!

Князь Янтарный. И Алексей Николаич тут же предложил мне занять место Владимира Иваныча, но я уже имел подобную должность и оставил ее, что я и высказал откровенно Алексею Николаичу; но он был так добр, что в довольно ясных намеках дал мне понять, что это место для меня пока, но что со временем я могу занять и большее.

Ольга Петровна. О, конечно, если это хоть сколько-нибудь будет зависеть от мужа, то вы получите и большее, и я надеюсь теперь, что вы помирились с ним в душе несколько...

Князь Янтарный. Я мало что помирился с Алексеем Николаичем, но я стал благоговеть перед ним, и в этом случае не беру ничего другого, как мой собственный пример: я, как хотите это назовите, имел глупость, неосторожность, но я, не зная человека, позволял себе говорить против него, и Алексей Николаич слышал это, конечно, потому что я говорил это всюду, говорил не только что при вас, но даже с вами. Вы, вероятно, в это время были уже невестой его, и полагаю, что должны были передавать ему это.

Ольга Петровна. Да, я ему передавала.

Князь Янтарный (*поднимая указательный палец свой как бы затем, чтобы придать более весу словам своим*). И Алексей Николаич, несмотря на все это, в видах уж, конечно, одной только пользы служебной и находя меня, не знаю почему, заслуживающим настоящей моей должности, сам первый приехал ко мне и предложил мне трудиться вместе с ним; так поступать из миллионов людей может только один!

Мямлин (*подхватывая*). И который, прибавьте, любит Россию истинной любовью!

Князь Янтарный. Именно любит Россию истинной любовью! Кроме того-с, последние два дня я имел счастье... – иначе не могу этого назвать!.. – имел счастье видеть Алексея Николаича в его служебной деятельности и убедился, что в этом отношении он гениальный человек!

Ольга Петровна. Да, очень способный! Я хоть и жена его, но тоже могу сказать, что он, как все люди, имеет, конечно, много недостатков; но, как служебный деятель, он решительно человек с государственным призванием.

Князь Янтарный. Решительно с государственным призванием: эта быстрота соображения!.. Удар прямо в цель!.. Способность обобщить, на группы разбить тысячи фактов, собранных со всей России...

Мямлин (*снова подхватывая*). А дар изложения!..

Князь Янтарный. Да-с!.. Изложение дар! Бумаги, им написанные, усыпаны брильянтами, алмазами красноречия, и я

сам видел, что они ничего ему не стоят: они так и льются, так и льются у него... Я теперь торжественно и всем говорю, что выбор Алексея Николаича и предпочтение его другим кандидатам показывает в графе Зырове величайшую прозорливость и величайшую мудрость.

Мямлин. А я всегда это самое говорил!.. *(Обращаясь к Ольге Петровне.)* Но скажите, как здоровье графа нынче? Я несколько раз к нему являлся, но ни разу не был принят.

Ольга Петровна. Папа был очень серьезно болен.

Мямлин *(с искренним участием)*. Но что было причиною его болезни?.. Простудился ли он, не соблюл ли диеты?.. Старички обыкновенно любят покушать.

Ольга Петровна. Нисколько!.. Нимало!.. Причина – его душевные потрясения!

Оба директора делают удивленные и как бы вопрошающие лица.

Ольга Петровна продолжает.

Сначала его очень волновали эти крики по поводу назначения Алексея Николаича...

Князь Янтарный при этом потупляет глаза.

Ольга Петровна, показывая на него пальчиком.

Ему совестно даже при этих словах моих смотреть на меня!..

Князь Янтарный *(держа униженно голову)*. Совестно, – каюсь в том.

Ольга Петровна *(снова продолжает)*. Потом эти гад-

кие газетные статьи пошли, где такой грязью, такой низкой клеветой чернили человека, им выбранного и возвышенно-го; а, наконец, и брак мой с Алексеем Николаичем добавил несколько; в обществе теперь прямо утверждают, что папа выбрал себе в товарищи Андашевского, чтобы пристроить за него дочку, и что Андашевский женился для той же цели на этой старой кокетке!

Оба директора (*хохочут и почти в одно слово восклицают*). На старой кокетке!.. Кто ж может говорить это?

Ольга Петровна (*князю Янтарному*). Да наша общая с вами приятельница, madame Бобринина, говорит это, и я несколько в этом случае на нее не претендую; но желала бы, чтоб ей растолковали одно: Алексей Николаич женился на мне никак не для получения настоящего своего места, потому что он имел его уже раньше, а что папа не для этой цели его возвышал, так это можно доказать тем, что граф, напротив, очень недоволен моим замужеством за Алексея Николаича, и *entre nous soit dit*⁹: он до сих пор почти не принимает нас к себе!

Князь Янтарный (*с удивлением*). Но почему же граф может быть недоволен вашим замужеством?

Ольга Петровна. Тут много причин!.. Прежде всего, разумеется, то, что Алексей Николаич плебей; ну и потом: мы с мужем, как молодые оба люди, женясь, ничего не помышляли о том, что будет впереди, и все нам представлялось в

⁹ между нами будь сказано (*франц.*).

розовом цвете; но папа очень хорошо понимал, что каким же образом тесть и зять будут стоять на службе так близко друг к другу, и теперь действительно в обществе уже говорят об этом.

Мямлин. Говорят-с!.. Говорят! Я не решался только докладывать вам об этом, но толки есть.

Ольга Петровна. Очень большие, знаю это я!.. До папа тоже это доходит, и все это его волновало, беспокоило, тревожило, и семьдесят его лет невольно сказались в этом случае.

Князь Янтарный. Графу, однако, семьдесят лет?

Ольга Петровна. О, да, около того!.. Мне тридцать с лишком лет, а он очень, очень немолодым женился!.. И я даже боюсь теперь... Опять-таки прошу, чтобы между нами это осталось; я с вами говорю совершенно как с друзьями своими: я боюсь, что нет ли у него маленького размягчения мозга.

Оба директора вместе и почти в ужасе восклицают.

Князь Янтарный. Скажите, какое несчастье!

Мямлин. Господи помилуй! (*Крестится при этом.*)

Ольга Петровна (*продолжает*). Потому что последнее время он газет даже не читает – не понимает!.. Какая же причина тому?..

Князь Янтарный (*глубокомысленно*). Но, может быть, граф озабочен чем-нибудь другим?

Ольга Петровна. Разве забота может помешать понять

газету?.. Тут непременно должно быть что-нибудь более серьезное, и вообразите мое положение теперь: с одной стороны, отец в таком нехорошем состоянии здоровья, а с другой – муж, который тоже бесится, выходит из себя. «Раз, говорит, можно перенести клевету, два, три; но переносить ее всю жизнь не хватит никакого человеческого терпения!» И я ожидаю, что он в одну из бешеных минут своих пойдет и подаст в отставку.

Оба директора опять в один голос восклицают: «Как это возможно?.. Мы не пустим его!.. Он погубит этим все наше ведомство».

Я тоже не советую ему это делать; но в то же время не могу не согласиться с ним, что есть оскорбления, которые нельзя перенести ни для каких благих целей.

На этих словах Мямлин вскакивает вдруг со своего места, как бы уколотый чем-нибудь, и произносит почти испуганным голосом: «Алексей Николаич приехал-с!»

Явление III

Те же и Андашевский; лицо у него взволнованное, озабоченное, но не печальное.

Ольга Петровна (*пристально взглянув на мужа*). Ты откуда?

Андашевский (*притворно-небрежным голосом*). У князя Михайлы Семеныча был.

Ольга Петровна (*изменившись несколько в лице*). И что же?

Андашевский (*тем же небрежным тоном*). После расскажу!.. (*Обращаясь к директорам.*) Здравствуйте, господа. (*Затем, дружески пожав им руки, садится в кресло и в заметном утомлении опрокидывается на задок его.*)

Князь Янтарный. Я счел себя обязанным лично поблагодарить Ольгу Петровну за участие ее в определении меня.

Андашевский. Да-с, да!.. По крайней мере почин в этом ей прямо принадлежит!.. Тогда этот несчастный Вуланд помер; экспедицию его, я знал, что по многим обстоятельствам нельзя было оставить без начальника, а между тем граф заболел, и таким образом обязанность выбора легла на мне; но я решительно не знал, кого назначить, так что говорю, наконец, об этом жене... Она мне и посоветовала. «Чего ж, говорит, тебе лучше: попроси князя Янтарного принять это место!.. Может быть, он и согласится».

Князь Янтарный (*склоняя перед Андашевским голову*).
Правилом князя Янтарного всегда было и будет исполнять все, что возлагает на него правительство, хотя откровенно должен признаться, что в экспедиции Владимира Иваныча я нашел такой беспорядок, такой хаос...

Андашевский (*перебивая его*). Я вас предупредомлял о том!.. Вы не можете на меня сетовать.

Князь Янтарный. Очень помню-с! Но я объясняю вам, собственно, затем, что Вуланд слыл трудолюбивым дельцом, и если теперь будут выходить какие-нибудь упущения, то прямо скажут, что Янтарный запустил это; а между тем, чтобы привести дела хоть в сколько-нибудь человеческий порядок, я должен употреблять громадный труд!.. Гигантский труд!

Мямлин (*давно уже желавший вмешаться в разговор*).
А я вот принял экспедицию Алексея Николаича, так ни одной бумаги не нашел неисполненной, а книги бухгалтерские таким почерком ведены, что я, право, думал – рисованные. (*Относясь к Андашевскому.*) А между тем, как Владимир Иваныч всегда завидовал вам и обижался вашим возвышением.

Андашевский (*как бы ничего не знавший по этому предмету*). Он говорил вам об этом?

Мямлин. Больше чем говорил; я был жертвою этой его зависти!.. Тогда, как вас назначили в товарищи, я был в командировке и, конечно, прискакал сейчас же в Петербург;

являюсь, между прочим, к Владимиру Иванычу и начинаю ему, по своей откровенности, хвалить вас!.. Говорю, как вы умны, просвещенны, трудолюбивы, а по болезни моей, надобно признаться, я не все и замечаю, что вокруг меня происходит, только тут же со мной вместе был бывший управитель дяди Михайлы Семеныча, генерал Варнуха, которого вы на днях, кажется, изволили назначить смотрителем Крестовоздвиженской богадельни.

Андашевский. Да, я его назначил.

Мямлин. Дяде очень это будет приятно!.. Очень!... Выходим мы с ним тогда от Владимира Иваныча, он мне и говорит: «Зачем вы так Алексея Николаича хвалили Владимиру Иванычу? Ему это очень было неприятно: он весь даже краснел со злости!» Я так себя по лбу и ударил: «Ну, думаю, будет мне за это отплата!» И действительно: на другой же день насаждал на меня графу...

Ольга Петровна. А сколько самому Алексею Николаичу он, по своей зависти, делал неприятностей.

Князь Янтарный. Алексею Николаичу даже!

Ольга Петровна. Да, как же! Все эти газетные статьи против Алексея Николаича были писаны под диктовку господина Вуланда.

Князь Янтарный. О, какая низость это с его стороны!

Ольга Петровна. Он и госпожа Сониная, бывший предмет страсти моего супруга, – творцы их.

Князь Янтарный и Мямлин, как следует хорошим под-

чиненным, потупляют при этом глаза свои.

И можете себе представить, что могут изобрести и как наклеветать завидующий друг и ревнующая женщина!

Князь Янтарный (*поднимая с грустью глаза к небу*).
Воображаю!

Мямлин. Дьявол это речет в них и говорит их устами.

Ольга Петровна. Это, впрочем, послужит Алексею Николаичу прекрасным уроком не верить вперед в доброту глупых женщин и в дружбу умных мужчин!

Андашевский (*с улыбкой*). Очень верное замечание!
(*Относясь к Мямлину.*) Ах, кстати, по поводу газетных статей: вы объявляли господину Шуберскому, чтобы он подал в отставку?..

Мямлин. Как же-с!.. В тот же день, как вы приказали... Он даже заплакал сначала и стал уверять меня, что может представить удостоверение, что эти статьи писаны не им... «А что если бы, говорит, я захотел писать, так мог бы написать что-нибудь и посерьезнее».

Андашевский. Что же такое посерьезнее он мог бы написать?

Мямлин (*робея, не договаривая и стараясь свою мысль довыразить более жестами*). Да там-с, я, ей-богу, и не знаю... Но что будто бы, когда там... Владимир Иваныч... поссорился, что ли, с графом... то прямо приехал в Немецкий клуб, и что господин Шуберский там тоже был... Владимир Иваныч подозвал его к себе и стал ему рассказывать, что

там... граф кричал, что ли, там на него и что будто бы даже разорвал... я уж и не понял хорошенько, что это такое... разорвал письмо, что ли, какое-то...

Андашевский (*взглядывая на жену*). Еще новую историю сочинили.

Ольга Петровна (*пожимая плечами*). Их, вероятно, и много еще будут сочинять.

Мямлин. И что будто бы, изволите видеть, стал говорить господину Шуберскому: «Опиши все это!» Но что тот будто бы отказался... «Что, говорит, мне писать такие небылицы!» Тогда Владимир Иваныч очень рассердился на него и принялся пить пунш и что будто бы выпил его стаканов двадцать... так что Шуберский принужден был уложить его в карету и свезти домой, а на другой день Владимир Иваныч помер.

Андашевский. Все это очень может быть: Вуланд, действительно, говорят, опился, в пьяном виде мог бог знает чего наболтать; но к делу это нисколько нейдет.

Мямлин (*глубокомысленно*). Идет-с, по-моему!.. Там, как вам угодно, но, как я понимаю, господин Шуберский этот хоть и плакал-с передо мной, но он человек наглый!.. Дерзкий!.. Как видит, что слезами ничего не взял, так сейчас же поднял нос!.. «Если, говорит, меня заставят оставить службу, так я все, что мне рассказывал Вуланд, напечатаю, а если же оставят, так наоборот... напишу статью, опровергающую все прежние об этом статьи».

Андашевский (*заметно обрадованный*). А, это другое дело!.. Если он напишет такую статью, тогда его можно будет и оставить. (*Обращаясь к князю Янтарному.*) Как вы думаете?

Князь Янтарный. Разумеется!.. Это такая мелочь! И вообще вся наша пресса такая грязь и сало, что от нее можно только отворачиваться, но никак не обращать на нее большого внимания.

Андашевский (*Мямлину*). На том условии, чтобы господин Шуберский напечатал статью, опровергающую все прежние статьи, я могу его оставить.

Мямлин. Я сам тогда это тоже сообразил и думаю: черт его дери!.. Все лучше доложить об этом Алексею Николаичу, а теперь я так и передам ему ваше приказание.

Андашевский. Так и передайте.

Входит торопливо лакей.

Явление IV

Андашевский, Ольга Петровна, князь Янтарный, Мямлин и лакей.

Лакей. Граф прислал курьера и требуют к себе с делами и с бумагами князя Янтарного и господина Мямлина.

Явление V

Те же, кроме лакея.

Мямлин (*с испугом*). Вот тебе раз. (*Начинает делать из лица гримасы.*) А у меня ничего и не готово.

Князь Янтарный (*также с вспыхнувшим лицом*). И у меня тоже! (*Относясь к Андашевскому несколько смущенным голосом.*) Граф, вероятно, вступил в свою должность?

Андашевский (*насмешливо*). Вероятно-с!.. Вероятно!.. «Час настал, и лев просыпается».

Мямлин (*Янтарному*). Пойдемте скорее.

Князь Янтарный. Идемте!

Оба раскланиваются с Андашевским.

Ольга Петровна (*смеясь, им*). Не завидую, господа, вашему положению.

Князь Янтарный (*тоже улыбаясь, но насильственно*). Ужасное, и особенно мое, так как я никак не ожидаю, чтобы граф встретил меня приязненно!

Мямлин. И мое положение не лучше вашего. (*Продолжает все более и более гримасничать.*)

Андашевский (*Мямлину*). У вас даже опять появился в лице припадок вашей болезни.

Мямлин. Это уж всегда, как только чем-нибудь встревожусь.

Еще раз раскланиваются с Андашевскими и уходят.

Явление VI

Андашевский и Ольга Петровна.

Андашевский (*плотно притворяя дверь*). Ушли, наконец, несносные.

Ольга Петровна (*стремительно мужу*). Скажи, как ты очутился сегодня у князя Михайлы Семеныча?

Андашевский. Очень просто: еду я поутру мимо его дома... На сердце у меня давно уже накопело: «Ну, думаю, что будет, то будет!» – велел карете остановиться и вошел в приемную; народу пропасть; адъютант, впрочем, как увидал меня, так сейчас же доложил, и князь сейчас пригласил меня в кабинет к себе. Вхожу. Князь очень любезно протянул мне руку: «Здравствуйте, говорит, Алексей Николаич, что скажете хорошенького?» Я говорю: «Князь, я приехал, во-первых, доложить вам, что покровительствуемый вами генерал-майор Варнуха определен мною смотрителем Крестовоздвиженской богадельни!» – «Благодарю!» – говорит. – «Это назначение, говорю, я чисто уже взял на свой страх, так как граф теперь болен и, как я слышал, очень недоволен этим замещением!» – «Это почему?» – говорит. Я говорю: «Я не знаю, но ожидаю, что у меня по этому поводу будет с графом весьма неприятное столкновение!» – «Как это, говорит, будет глупа со стороны графа!» Подготовил, понимаешь, почву немного!

Ольга Петровна (*внимательнейшим образом слушав-*

шая мужа). Понимаю!

Андашевский (продолжая). «Кроме-с того, говорю, князь, я приехал и по собственному очень важному делу, чтобы попросить у вас совета и содействия!» – «Рад, говорит, вам всем служить, чем только могу!» – «Дело-с, говорю, мое состоит в том, что с месяц тому назад я женился на madame Басаевой, дочери графа». – «Знаю, говорит, видел вашу супругу на бале у австрийского посла и поздравлял ее!» – «Брак этот, говорю, совершенно неожиданно для нас возбудил большие толки в обществе; отовсюду к нам доходят слухи об удивлении и недоумении общества, что каким образом на таких высоких постах тесть и зять будут так близко стоять друг к другу»... Остановился я на этих словах, жду, что он скажет... Он подумал немного, потер себе нос и говорит: «Действительно, говорит, в служебных сферах это не принято, и в подобных случаях обыкновенно всегда переводят кого-нибудь...» – «Не кого-нибудь, говорю, а уж, конечно, меня переведут; мною, как младшим, пожертвуют и принесут меня на заклание!» – «Почему ж, говорит, вас на заклание; вероятно, дадут назначение, равное теперешнему!» Ах, ты, думаю, старый волк!.. Ты, пожалуй, устроишь это!

Ольга Петровна. Воображаю, что ты должен был почувствовать в эти минуты!

Андашевский. Ужас! Я тебе говорю, ужас!.. И я помню только одно, что я тут, как бешеный конь, закусил удила и решил валять напралом. «Во всех моих служебных объ-

яснениях, князь, говорю, я привык быть всегда совершенно откровенным; позвольте мне и с вами быть таким же!» – «Пожалуйста», – говорит. – «В настоящем случае, говорю, есть еще одно довольно важное обстоятельство: ведомство наше, как небезызвестно вашему сиятельству, преобразовано, устроено и организовано исключительно мною и господином Вуландом, и если бы господин Вуланд был жив, то при теперешних обстоятельствах и вопроса никакого не могло бы быть: мне бы дали какое-нибудь назначение, а господин Вуланд сел бы на мое место, и дела пошли бы точно так же, как и теперь идут; но господин Вуланд умер, вновь назначенные директора – люди совершенно неопытные, я уйду, сам граф стар и болен. Князь! При соединении всех этих случайностей, я почти положительно уверен, что ведомство наше мало что потрясется в своем основании, но оно совершенно рухнет!»

Ольга Петровна. Ты отлично, бесподобно сделал, что сказал ему это!

Андашевский. Еще бы!.. Я очень хорошо знал, с каким господином я говорю и что на него можно только подобными вещами подействовать; вот тебе доказательство тому: как объяснил я ему это, он весь стал внимание, и у него глаза даже как-то разгорелись!.. Видно было, что его собственное самолюбие затронулось, что вот-де я все знаю, предусматриваю и предотвращаю. «Но чем же, говорит, граф нездоров; супруга ваша мне с большим горем рассказывала, что

у него даже маленькое мозговое расстройство начинается!» Я пожал плечами. «Болезнь эта, говорю, до некоторой степени давно присуща графу, и я только, по своей глубокой преданности к нему, тщательно скрывал это; но более уже трех лет, как на мне лежит вся тяжесть его служебного труда, так что он не подписывает ни одной бумаги, предварительно мною не просмотренной и ему не рекомендованной. «А теперь что же, говорит, болезнь эта усилилась в нем?» – «Как кажется!» – говорю. – «Жаль, говорит, старика, очень жаль, и в таком случае уж лучше ему уйти на покой!» – «О, говорю, он об этом вовсе и не помышляет, а, напротив, с каждым днем становится честолюбивей и властолюбивее!» – «Ну, положим, говорит, на это не очень посмотрят, только кем же заместят его!.. Один только Карга-Короваев и мог бы еще занять его место».

Ольга Петровна. Вот приятный сюрприз будет, если назначат Каргу-Короваева!

Андашевский. Сюрприз, при котором невозможно будет оставаться служить, потому что господин этот мало того, что деспот в душе и упрям, как вол; но он умен, каналья, и если что захочет, так его не обманешь, как других, наружным только видом, что повинешься ему и делаешь по его: он дощупается до всего. Это я и высказал отчасти князю. «Если, говорю, ваше сиятельство, к нам будет назначен Карга-Короваев, то я минуты не останусь в моей должности!» – «Это почему?» – говорит. – «Потому что, говорю, господин Кар-

га-Короваев, сколько я знаю его, привык ценить и уважать только свои мысли и свой труд, и, вступив к нам в управление, он, без сомнения, примется нами созданное учреждение ломать и перестраивать по-своему, а мне присутствовать при этом каждодневно будет слишком уж тяжело, и я лучше обреку себя на нужду и бедность, но выйду в отставку!» Он на эти слова мне улыбнулся. «Не пугайтесь, говорит, очень, — я сказал вам только одно мое предположение; но Каргу-Короваева, кажется, прочат на другое место, где он нужнее... К вам же, говорит, если граф оставит службу, всего бы, конечно, справедливее было вас назначить; но только вы молоды еще... Сколько вам лет от роду?...» — «Сорок девять», — говорю.

Ольга Петровна. Пять прибавил?

Андашевский. Пять прибавил!.. «Но, говорит, говорили вы когда-нибудь с самим графом о вашем желании занять его место?» Я говорю, что я никак не мог с ним говорить об этом, потому что оба мы так близко заинтересованы в этом случае. «По крайней мере, говорит, супруга ваша, дочь его, могла бы дать ему мысль!» — «И той, говорю, неловко сказать ему об этом. Вот если бы вы, говорю, ваше сиятельство, были так добры, что объяснили графу сущность дела. Он вас бесконечно уважает и каждое слово ваше примет за закон для себя!.. И я опять осмелюсь повторить вам, что прошу вас об этом не столько в видах личного интереса, сколько для спасения самого дела, потому что иначе оно должно погибнуть!..»

Молчит он на это... минут пять молчал... Я убежден, что у меня в это время прибавилось седых волос!.. Взгляни, пожалуйста, больше их стало?

Ольга Петровна (*взглядывая на волосы мужа*). Кажется, немного больше.

Андашевский. Наконец прорек: «Ну, хорошо, говорит, я повидаюсь со стариком, поговорю с ним и посоветую ему; а потом, как он сам хочет!..» – «Без сомнения-с, говорю, как сам пожелает потом...»

Ольга Петровна (*лукаво*). Пусть бы уж только он посоветовал!.. Отец очень хорошо поймет, что это равняется приказанию.

Андашевский. Конечно!

Ольга Петровна. Он, однако, для этого сам хотел приехать к отцу?

Андашевский. Непременно.

Ольга Петровна. Но когда же?

Андашевский. Я не знаю!.. Может быть, даже сегодня.

Ольга Петровна (*с беспокойством*). Мне поэтому сейчас же надо ехать к папа.

Андашевский. Ты думаешь?

Ольга Петровна (*с тем же беспокойством*). Непременно, а то князь придет к нему, прямо скажет о твоём желании, это ужасно озадачит отца: он взбесится, конечно, и, пожалуй, чтобы повредить тебе, расскажет все про калишинское дело и про Вуланда.

Андашевский (*в свою очередь тоже с беспокойством*).

Но чем же ты его от этого остановишь?

Ольга Петровна. Знаю я, чем мне его остановить... У меня многое есть, чем я могу на него действовать... Вели мне поскорее подать карету. Mamselle Эмилия, подайте мне шляпу.

Андашевский (*подходит к дверям и кричит*). Карету подавать для Ольги Петровны!

M-me Эмилия, хорошенькая немка-горничная, подает Ольге Петровне шляпу и уходит.

Ольга Петровна (*надев торопливо шляпу и подавая руку мужу*). Прощай!

Андашевский (*почти умоляющим голосом*). Возвращайся, бога ради, скорее, не искушай моего терпенья!

Ольга Петровна. Прямо от отца и возвращусь сюда! (*Уходит.*)

Явление VII

Андашевский (*начиная ходить взад и вперед по комнате*). Говорят, в России служба очень приятная и спокойная деятельность; но один день такой, как сегодня для меня, пережить чего стоит, а иначе нельзя: не предусмотрити и прозевай хоть одну минуту, из-под носу утащат лакомый кусок. Вся задача в том и состоит, чтобы раньше других забежать!.. (*Беспокойство и нетерпение все более и более овладевают им.*) Жена, вероятно, долго еще не возвратится... Просто не знаю, что и делать с собою!.. Опиуму, кажется, с удовольствием бы принял, чтобы заснуть на это время и ничего не чувствовать! (*Беря себя за левый бок.*) Такое биение сердца началось, что аневризм, пожалуй, наживешь!..

Входит лакей.

Явление VIII

Андашевский и лакей.

Лакей (*несколько мрачным и таинственным голосом*).

Госпожа Сониная опять пришла к вам и желает вас видеть.

Андашевский. Только еще недоставало этого!.. (*Обращаясь к лакею.*) Я, кажется, сказал тебе один раз навсегда, чтобы ты не только что никогда не принимал ее, но даже не смел бы и докладывать мне об ее посещениях.

Лакей. Да я не хотел было докладывать, но она села на лестнице, на лавочку, и говорит, что будет дожидаться, пока вы пройдете.

Андашевский (*еще с большим бешенством*). Ну, я тебе от места откажу, если ты ее сейчас же не протуришь!

Лакей. Да мне что!.. Я, пожалуй, протурю! (*Уходит.*)

Явление IX

Андашевский. Какова наглость этой женщины!.. После того, как сделала против меня подлость и чуть было не погубила меня, она ходит еще ко мне! Чего надеется и ожидает?.. Что я испугаюсь ее или разнежусь и возвращу ей любовь мою?.. Глупость в некоторых людях доходит иногда до таких пределов, что понять даже невозможно! (*Звонит.*)

Входит тот же лакей.

Явление X

Андашевский и лакей, потом Андашевский один.

Андашевский (*нетерпеливо ему*). Что, ты отказал?

Лакей. Отказал-с, ушла!

Андашевский. Как же ты это сделал?

Лакей. Сказал-с, что если она не уйдет, так я за городо-
вым схожу и вместе ее выведем; она заплакала и ушла.

Андашевский. Ну и хорошо!.. Спасибо! (*Смотрит с
нетерпением на часы.*) А Ольги Петровны все еще нет! (*Ла-
кею.*) Поди приведи мне извозчика к дому графа.

Лакей уходит.

Поеду к подъезду графа и буду на крыльце его дожидаться
жены.

Занавес падает.

Действие V

Явление I

Служебный кабинет графа Зырова. Огромный стол весь завален бумагами и делами. Граф, по-прежнему в пиджаке, сидит перед столом; лицо его имеет почти грозное выражение. На правой от него стороне стоят в почтительных позах и с грустно наклоненными головами Мямлин и князь Янтарный, а налево генерал-майор Варнуха в замирающем и окаменелом положении и чиновник Шуберский, тоже грустный и задумчивый.

Граф (*строго Варнухе*). Когда именно вы определены?

Генерал-майор Варнуха. Приказом 17 августа, ваше сиятельство.

Граф. Но Алексей Николаич, я думаю, должен был бы предупредить меня о том и спросить моего согласия прежде, чем я буду иметь честь прямо уже встретиться с вами на службе...

Генерал-майор Варнуха (*плачевным тоном*). Я буду стараться, ваше сиятельство.

Граф. Стараться вы будете!.. Где вы прежде служили?

Генерал-майор Варнуха. Смотрителем Огюньского завода!

Граф. Отчего же там и не продолжать службы?.. На каком основании и на каких данных пришла вам в голову мысль искать настоящего места? Здесь надобно иметь христианские чувства, христианское направление.

Генерал-майор Варнуха. Я христианин, ваше сиятельство.

Граф. То есть почему вы христианин? Что в церковь ходите и творите земные поклоны перед образами... Тут нужно-с быть человеку религиозному в душе, сознательно и просвещенно верующему.

Мямлин (*вытягивая голову и произнося робким голосом*). Генерал Варнуха, ваше сиятельство, назначен по ходатайству князя Михайлы Семеныча.

Граф. Я не с вами говорю, а потому прошу вас не вмешиваться!

У Мямлина сейчас же при этом задергало лицо.

Граф, снова обращаясь к генералу Варнухе.

Я заранее вас предуведомляю, что я каждый день буду заезжать в богадельню, и горе вам, если хоть малейшие упущения встречать буду! Снисхождения никакого не ждите!.. Мало, что от службы уволю, под суд еще отдам, потому что всякий сверчок должен знать свой шесток: нечего было идти туда, куда вы не призваны ни по способностям вашим, ни по чему другому!..

Генерал-майор Варнуха. Семейство, ваше сиятельство, нужда заставляет.

Граф. Семейство не дает же человеку права на всякие места, какие только открываются. Отправляйтесь!

Генерал-майор Варнуха повертывается и уходит на цыпочках.

Явление II

Граф Зыров, князь Янтарный, Мямлин и Шуберский.

Граф (*взглядывая на Шуберского*). Вы, если я не ошибаюсь, господин Шуберский?

Шуберский. Точно так, ваше сиятельство!

Граф. Но на каком основании вы в вицмундире? Вы продолжаете еще служить у нас?

Шуберский. Продолжаю, ваше сиятельство.

Граф. Но я Алексею Николаичу, кажется, довольно ясно сказал, чтобы он предложил вам подать в отставку.

Шуберский. Мне передавал это ваше приказание Дмитрий Дмитрич Мямлин, но я прежде желал доложить вашему сиятельству, что статьи, за которые вам угодно было разгневаться на меня, писаны не мною: я имею удостоверение в том от редакции газеты, где помещены эти статьи. (*Подает графу удостоверение.*)

Граф (*почти не взглядывая на удостоверение*). И вы думаете, что я этому поверю: господа газетчики и фельетонисты, я не знаю, чего ни способны написать и в чем ни готовы удостоверить.

Шуберский. Может быть, действительно, ваше сиятельство, это и справедливо, но редакция газеты, из которой я имел честь представить вам удостоверение, пользуется именем самой честной, самой добросовестной...

Граф. Все вы одинаковы! Все!.. Правительству давно бы следовало обратить на вас внимание и позажать вам рты!.. Как же вы говорите, что не вы писали статьи, когда вы сами признавались в том Андашевскому?

Шуберский. Первая статья, ваше сиятельство, действительно написана мною; но я в этом случае введен был в обман господином Вуландом.

Граф. На господина Вуланда теперь сваливаете!.. Господин Вуланд заставлял вас писать?

Шуберский. Господин Вуланд-с!.. И я на днях помещу статью, опровергающую мою прежнюю статью!.. В ней откровенно я признаюсь, как и кем был введен в обман.

Граф. Ну, я уверен в одном, что если бы господин Вуланд был жив, так вы бы не напечатали такой статьи.

Шуберский. Напечатал бы, ваше сиятельство.

Граф. Нет-с, не напечатали бы! Во всяком случае, я с фельетонистами служить не желаю.

Шуберский. Но где же, ваше сиятельство, закон, воспреещающий фельетонистам служить?

Граф. Есть закон-с!.. Я могу уволить вас, когда мне угодно и совершенно по своему усмотрению.

Шуберский. Ваше сиятельство, Алексей Николаич совершенно простил меня за мою статью.

Граф (*крича*). Но я вас не прощаю, понимаете вы это!.. И если вы в 24 часа не подадите в отставку, то я велю вас уволить по 3-му пункту – другого решения вам от меня не

будет. (Слегка кивает головой Шуберскому, который ему тоже слегка кланяется и уходит, бледный и окончательно сконфуженный.)

Явление III

Граф Зыров, князь Янтарный и Мямлин.

Граф (*относясь к князю Янтарному*). Что у вас приготовлено?

Князь Янтарный (*очень модно и свободно подходя к графу и вместе с тем играя брелоками своих часов*). Я, ваше сиятельство, сегодня ничего приготовленного не имею, потому что все это время ревизовал мою экспедицию.

Граф (*с некоторым удивлением взглядывая на него*). Но что же такое, собственно, вы ревизовали? Не мои же распоряжения, надеюсь?

Князь Янтарный. О, конечно, нет!.. Но вообще весь этот ход и порядок дел.

Граф. То есть канцелярский порядок, вы хотите сказать?

Князь Янтарный. Да-с, я это именно и хотел сказать.

Граф. Ну, это вы совершенно напрасно трудились; потому что ваш предшественник так превосходно знал этот порядок, так добросовестно вел его, что вам за прошедшее время можно быть вполне покойному и заботиться о том, чтобы на будущее время порядок этот шел так же исправно, как шел он при Владимире Иваныче.

Князь Янтарный. Я так и ожидал это найти, ваше сиятельство, но, к великому моему удивлению, встретил в экспедиции Владимира Иваныча крайний беспорядок, страш-

ные упущения.

Граф (*смеясь ему прямо в лицо*). Вот что вы встретили!.. А что, если я вам скажу, что вы это говорите неправду!..

Князь Янтарный. Совершеннейшую правду, ваше сиятельство!.. Я уже докладывал об этом и Алексею Николаичу.

Граф. Алексею Николаичу вы можете докладывать, сколько вам угодно, но меня вам не убедить в том; я старый воробей на службе – и цель всех вновь вступающих чернить деятельность своих предшественников очень хорошо понимаю: если дело пойдет хорошо у них, это возвысит их собственный труд; а если оно пойдет дурно, то этим может быть отчасти извинен допущенный ими беспорядок, – прием весьма старый и весьма известный в служебном мире!

Князь Янтарный (*потупляя свои глаза*). Мне очень грустно, ваше сиятельство, что мои слова вы изволили таким образом понять, и это мне некоторым образом показывает, что я не имею счастья пользоваться вашим добрым мнением о себе; но, смею вас заверить, я настоящей моей должности не искал, и мне ее Алексей Николаич сам предложил.

Граф. Алексей Николаич, вероятно, имел для этого какие-нибудь свои основания; но я с своей стороны буду требовать от вас настоящей службы и деятельности неманкирующей и в этом случае не стесняюсь никакими светскими соображениями.

Князь Янтарный. Я, ваше сиятельство, никогда ни на какие светские соображения и не рассчитывал, а привык за-

являть себя своей деятельностью, которую Алексей Николаич отчасти уже видел и, как говорил мне, остался ею очень доволен.

Граф (*выходя из себя*). Опять Алексей Николаич! Скажите на милость: пока я сижу еще здесь, на этом стуле, кто ваш начальник – я или Алексей Николаич?

Князь Янтарный. Конечно, вы, ваше сиятельство!

Граф. Однако и вы, и какой-то генерал Варнуха, и господин Мямлин беспрестанно напоминаете мне то об Алексее Николаиче, то о князе Михайле Семеныче, недостает только назвать еще мне madame Бобрину; и я на это один раз навсегда говорю, что я стою уже одной ногой в могиле, а потому ни в каких покровителях не нуждаюсь и никаких врагов и соперников не боюсь!

Князь Янтарный. Я, ваше сиятельство, всегда вас и разумел таким и всегда знал ваше высокое беспристрастие.

Граф. Да-с, прошу вас и на будущее время разуметь меня таким, и если желаете служить со мной, то, во-первых, не играйте вашими брелочками!.. Я люблю дисциплину и нахожу это неприличным при разговоре с начальником...

Князь Янтарный мгновенно же перестает играть брелочками.

А во-вторых, не надейтесь ни на сыны, ни на князи человеческие, и вообще я желаю вам гораздо большего усердия в трудах ваших, чем я встретил это сегодня! (*Круто поворачивается к Мямлину.*) У вас хоть готово ли что-нибудь?

Мямлин. Имею-с доклад!

Князь Янтарный, с надувшимся и оскорбленным лицом, отходит и становится на прежнее место; а Мямлин подходит к графу и разворачивает перед ним огромное дело, запинаясь на каждом почти слове и делая из лица гримасы.

Это-с дело крестьян Коловоротинской волости с казною!.. У них во владении были по левую сторону Оки поемные луга!.. Это геологический уж закон, что горная сторона реки всегда направо по течению, а налево низовая сторона-с, – это закон геологический...

Граф молча, но мрачно его слушает.

Мямлин, все более и более конфузясь.

А на горной этой стороне, изволите видеть, земли и владения ведомства государственных имуществ... Оно взяло и примежевало себе луга... Крестьяне говорят, что у них десятилетняя давность владения, а им на это возражают, что для казны нет десятилетней давности.

Граф (*с удивлением взглядывая на Мямлина*). Как нет для казны десятилетней давности?

Мямлин (*утвердительно*). Нет-с!

Граф. Перестаньте, что вы говорите! Десятилетняя давность для всего в мире существует!

Мямлин (*снова утвердительно*). Нет, ваше сиятельство, прямая статья есть.

Граф. Нет такой статьи-с!

Мямлин. Есть, ваше сиятельство.

Граф (*показывая на шкаф с книгами*). Вон свод законов, — отыщите!

Мямлин подходит к этому шкафу, вынимает из него сразу несколько томов и начинает дрожащими руками перелистывать их, потеет при этом, краснеет, делает из лица маленькие гримасы и ничего не находит. Граф между тем просматривает докладываемое ему дело и при этом только слегка покачивает головой и грустно усмехается.

Мямлин (*с сильною уже гримасою в лице*). Не могу, ваше сиятельство, найти, — извините!.. Позвольте мне дома приискать!.. В подлинном деле это очень ясно прописано.

Граф (*продолжая грустно улыбаться*). А вы, скажите, читали это подлинное дело все?

Мямлин. Читал, ваше сиятельство!

Граф. Ну, я, признаюсь, гораздо бы лучше для вас желал, чтобы вы вовсе его не читали. В чем же, по-вашему, суть дела тут?

Мямлин. Это тяжба крестьян Коловоротинской волости с казною.

Граф. То есть была тяжба, и она уже решена, и земля возвращена в казну; так?

Мямлин. Точно так, ваше сиятельство!

Граф. Так к чему же вы мне говорите о какой-то геологии, о каких-то статьях закона несуществующих! В чем тут наша обязанность?.. Чего, собственно, от нас требуют?

Мямлин молчит и краснеет в лице.

Требуют, чтобы я дал заключение, что следует ли крестьян подвергать уплате в казну за неправильное владение, и, конечно, мое мнение должно состоять в том, что следует!

Мямлин (*снова оживленным тоном*). Нет, ваше сиятельство, я не могу с этим согласиться и остаюсь в том убеждении, что если десятилетняя давность существует для частных лиц, то почему же она не должна существовать для казны?.. Это прямое нарушение справедливости!..

Граф (*выходя из себя*). Господи помилуй, вы помешались, наконец, на этой десятилетней давности?.. К чему она вам?.. Зачем?..

Мямлин (*смущенным уже голосом*). Затем, что вот-с в этой бумаге прямо сказано, что для казны не должно существовать десятилетней давности (*показывая на одну из бумаг в деле*).

Граф. А вы дали себе труд подумать, что это за бумага?.. Это-с единоличное мнение министра государственных имуществ, который, когда был возбужден общий вопрос по сему предмету, то полагал с своей стороны, что на те случаи, где нарушены границы генерального межевания, не должно распространяться десятилетней давности, и с ним, однако, никто не согласился... Ведь это, наконец, несносно, Дмитрий Дмитрич: вы мало того, что не вникли нисколько в самое дело, но мне приходится еще спорить с вами, опровергать разные смутные мысли, которые случайно приходят вам в голову!.. На будущее время прикажите уж лучше доклады-

вать мне вашим начальникам отделения, а сами пока посидите при этом и поучитесь!

Мямлин. Но мне это будет очень обидно, ваше сиятельство!

Граф. Но что ж мне делать? Как же быть?.. Мне самому читать за вас все дела и объяснять вам их – я не имею на то ни времени, ни желания.

Входит лакей.

Явление IV

Те же и лакей.

Лакей. Ольга Петровна приехала!

Граф. Что?

Лакей. Ольга Петровна приехала и говорит, что ей очень нужно вас видеть.

Граф (*подумав немного и обращаясь к директорам*).
Дочь, господа, приехала: прошу на время выйти!

Директора уходят.

Явление V

Граф и лакей, потом граф один.

Граф (*лакею*). Проси!

Лакей уходит.

Нечего сказать – славный народ!.. А отчего?.. Оттого, что ни один из них службы никогда настоящей не нес! Я, бывало, адъютантом был, к генералу своему идешь с бумагою, дрожишь, что запятой какой-нибудь не забыл ли поставить, потому что у того пена у рта сейчас появится, и он месяц за это с гауптвахты не спустит, а им что! Он стоит перед тобой да брелочками только поигрывает или несет чепуху вроде этого непропеченного калача московского – Мямлина.

Явление VI

Граф и Ольга Петровна.

Ольга Петровна (*входя*). Ты занят, папа?

Граф. Да, пожинал труды твоего супруга за время болезни моей и наслаждался ими.

Ольга Петровна. Что же такое муж мой сделал за время твоей болезни?

Граф. То, что насажал мне таких умников, с которыми я не знаю, как и быть...

Ольга Петровна. Кого же это?

Граф. Во-первых, какого-то генерала Варнуху!

Ольга Петровна. Не какого-то, папа, а рекомендованного князем Михайлой Семенычем!.. Наконец, генерал Варнуха получил такое ничтожное место, что об этом, я полагаю, и говорить не стоит.

Граф. Вместо дельного и трудолюбивого Вуланда выбрал какого-то лентяя восточного, князя Янтарного, и вдобавок еще злейшего врага моего, который бранил меня на всех перекрестках.

Ольга Петровна. Ему затем, папа, и дали это место, чтобы он не кричал против тебя.

Граф. А, так это вы обо мне заботились!.. Какие, подумаешь, у меня добрые и нежные дети!

Ольга Петровна. Ты вот, папа, сердишься и разными пу-

стяками тревожишь себя, а между тем я приехала к тебе по гораздо более серьезному и неприятному делу!

Граф. У вас с супругом, кажется, только те дела и серьезные, когда что до вас касается.

Ольга Петровна. Нет, папа, это и до тебя касается!.. Мужа призывал к себе князь Михайла Семеныч...

Граф (*насмешливо*). С чем его и поздравляю.

Ольга Петровна. И говорил ему, что в правительственных сферах очень неблагоприятно смотрят, что ты и муж, то есть тесть и зять, так близко служите друг к другу.

Граф (*тем же насмешливым тоном*). Я говорил вам это еще прежде, предсказывал; а теперь и кушайте, что сами себе приготовили.

Ольга Петровна. Нельзя же, папа, чувствами владеть и душить их в себе для сохранения выгод по службе!.. Чувство дороже всего для человека!

Граф. А когда дороже, так и наслаждайтесь им и уезжайте куда-нибудь в Аркадию.

Ольга Петровна. Мы бы и уехали, но мужа не пускают из службы.

Граф. Кто ж его может не пустить?

Ольга Петровна. Не то что не пускают прямо, а просят для спасения самого дела; потому что Вуланд умер, новые директора неопытны, ты стар и часто бываешь болен.

Граф. Опять я!.. Но я просил бы вас покорнейше оставить меня в покое: болен ли я, здоров ли, вам решительно до

этого нет никакого дела.

Ольга Петровна. Нет, папа, мне есть до этого дело, и большое: твой доктор прямо мне сказал, что если ты так же усиленно будешь заниматься службой, как прежде занимался, так жизнь свою сократишь.

Граф. Какой прозорливый доктор, и как эти слова его должны тебе нравиться.

Ольга Петровна. Ты, папа, кажется, не хочешь понять ни чувства моего, из которого я тебе это говорю, ни того, что я хочу тебе сказать.

Граф. К несчастью, я все очень хорошо понимаю!.. Все!.. Тебе хочется спихнуть меня с моего места и посадить на него твоего мужа – вот что хочется тебе сделать!

Ольга Петровна. Да, папа, я очень желаю, чтобы ты вышел в отставку и чтобы на твое место поступил муж.

Граф (*горько усмехнувшись*). Откровенно сказано!

Ольга Петровна. Совершенно откровенно!.. Другая на моем месте стала бы, может быть, хитрить, скрывать.

Граф. И знаешь: это гораздо было бы лучше!.. Гораздо!.. Есть такого рода откровенности, которые требуют большой бессовестности, чтобы высказывать их.

Ольга Петровна (*несколько смущенная этими словами*). Только не перед тобой, папа!.. Ты сам добротой своей ко мне приучил меня быть совершенно откровенной с тобою; и хоть тебе, может быть, и неприятно теперь выслушивать меня, но я все-таки хочу высказать еще несколько моих резонов...

Граф делает нетерпеливое движение.

Я объясню все в очень коротких словах: тебе и Алексею Николаичу нельзя вместе служить, это уже решено!.. Тебя, разумеется, если ты сам не пожелаешь того, не тронут: за тобой слишком много заслуг, и ты слишком много уважаем, чтобы тебя захотели огорчить! Поэтому пострадает тут бедный муж мой; ему дадут плохонькое местечко или просто даже велют подать в отставку, – словом, его карьера, так блистательно им начатая, будет подсечена в корень. Мало того, мы будем обречены на бедность, потому что у Алексея Николаича ничего нет...

Граф (*перебивая дочь*). А триста тысяч, которые он взял с Калишинской компании?

Ольга Петровна. Алексей Николаич уже тебе говорил, куда ушли эти триста тысяч, и если ты вздумашь этими деньгами сделать какой-нибудь вред мужу, то я буду требовать от тебя пять тысяч душ материнского состояния, из которого тебе следовала только седьмая часть.

Граф (*в ужасе и бешенстве*). Как?.. Седьмая часть?.. Как?.. Разве мать твоя делила когда-нибудь свое состояние со мной?.. Разве оно не принадлежало мне так же, как и ей самой?.. Если я не взял у ней клочка бумаги, называемой духовным завещанием, так потому оно твое?..

Ольга Петровна. Да, потому оно и мое! Адвокаты прямо говорят, что если опекун растратил состояние малолетней, так он должен возратить его ей, а иначе его посадят в

тюрьму.

Граф (в окончательном бешенстве). Ольга, молчи!!! Де-лай там, что знаешь; но не смей мне этого говорить в глаза...

Ольга Петровна. И ты, папа, молчи о трехстах тысячах!.. Если ты хочешь, чтобы я к тебе была нежная и покорная дочь, будь и сам ко мне нежным и печным отцом; служить тебе, я прямо теперь скажу, нет никакой цели. Состояния на службе ты уже не составишь, крестов и чинов получать не можешь, потому что они у тебя все есть...

Граф. Все высчитала! И забыла только одно, что я службе еще могу быть полезен; и пусть твой супруг не думает, что он тут нужней меня: я его нужней, и он пока еще выученик мой и щенок, которого я выдрессировал!..

Ольга Петровна. Муж мой всегда это говорил и говорит, а ты посмотри, папа, что выходит из собственных даже твоих слов: положим, ты оттеснишь мужа и прослужишь еще год, два, три, наконец утомишься и выйдешь в отставку, – тогда на твое место выберут совершенно случайно человека, который тобою созданное дело сломает и уничтожит, а с делом твоим, папа, связано твое имя!.. Ты с ним войдешь в историю, и один только Алексей Николаич способен продолжать его в том направлении, в каком ты ведешь его, потому что, как сам ты говоришь, он человек твоих взглядов и убеждений.

Граф. Ну, твой Алексей Николаич, я думаю, способен отказать от всякого рода взглядов и убеждений и сломать

всякое дело, если это хоть на мизинец будет лично ему полезно!

Ольга Петровна. Гнев, папа, представляет тебе все в ином виде! Впрочем, каков бы Алексей Николаич человек ни был, но он муж мой, а ты мне, надеюсь, не враг же совершенный! Наконец, если не для нас обоих, то для твоего будущего внука, которого я ношу теперь под сердцем, ты должен желать устроить нашу участь.

Граф (*злбно усмехаясь*). Даже тому, что ты будешь матерью, как говоришь теперь, я тебе не верю: до того я в вас изверился!

Ольга Петровна. Я могу, папа, на эти оскорбления твои отвечать только слезами!.. (*Начинает плакать.*)

Граф. И не плачь, пожалуйста, при мне!.. Слезам твоим я тоже не поверю и убежден, что они притворные.

Ольга Петровна. Говори, папа, все, что хочешь!

Проходят несколько минут молчания, в продолжение которых Ольга Петровна тихо плачет, а граф сидит, насупившись.

Входит лакей.

Явление VII

Те же и лакей.

Лакей. Князь Михайла Семеныч приехал!

Граф (*взмахивая глазами на дочь*). Это по вашему приглашению, что ли?

Ольга Петровна (*продолжая плакать*). Нет, папа, я не могла приглашать его.

Граф (*лакею*). Проси князя наверх.

Лакей уходит.

Явление VIII

Граф и Ольга Петровна.

Граф (*дочери*). Я угадал, что у тебя слезы притворные!.. Ты плакала, чтобы протянуть время и подождать, пока придет этот гость.

Ольга Петровна. Грех тебе, папа, так безжалостно оскорблять меня.

Граф. Мне же грех, ах, ты, негодяйка этакая! Они мне с супругом делают на каждом шагу козни и мерзости, а я и высказать того не смей – фу, ты, наглецы бесстыжие! (*Порывисто встает и уходит.*)

Явление IX

Ольга Петровна одна; потом Янтарный и Мямлин; позже Шуберский.

Ольга Петровна (*сейчас же утирает слезы и, приотворив дверь в соседнюю комнату, говорит директорам*). Войдите сюда, господа!.. Граф ушел наверх!

Входят князь Янтарный и Мямлин.

Ольга Петровна, снова заглядывая в двери.

А вы, monsieur Шуберский, что же остались там?

Шуберский тоже входит.

Ольга Петровна, обращаясь ко всем им.

Вам, вероятно, граф наговорил всем неприятностей?

Мямлин (*поднимая значительно брови*). Да еще каких-с, надобно знать!

Князь Янтарный (*гордо*). Он себе позволил то мне сказать, что я службу мою брошу, потому что я не привык, чтобы начальники мои, кто бы они ни были, так обращались со мной.

Мямлин (*кротким голосом и разводя руками*). А из меня такого дурака он представил, что я до сих пор опомниться не могу!.. Еще одно такое объяснение, и со мной удар нервный случится!.. (*Начинает делать из лица гримасы*.)

Ольга Петровна. Ужасно, какой старик невыносимый стал! На Алексея Николаича он тоже взбешен до последней

степени, и чем кончится эта ссора, я еще не знаю, тем больше, что к папа теперь приехал князь Михайла Семеныч.

Оба директора (*почти с испугом*). Приехал!.. Зачем?..

Ольга Петровна. Не знаю, собственно, зачем; но ожидаю, что отец, под влиянием досады на Алексея Николаича, наскажет на него князю.

Мямлин (*с одушевлением*). А я князю наскажу на самого графа, вот что-с!

Ольга Петровна. И объясните князю, что отец главным образом за то сердится на мужа, что вот он и я тогда очень хлопотали, чтобы вас определили на ваше теперешнее место!

Мямлин. И то скажу-с, доложу ему.

Ольга Петровна (*обращаясь к Янтарному*). За ваше назначение граф тоже бесится на мужа. «Каким образом, говорит, определить ко мне на службу злейшего врага моего, который злословил меня на каждом шагу?»

Князь Янтарный. Я и теперь буду злословить графа, в этом случае, pardon, madame, но граф своим обращением сам вызывает это и делает себе из всех врагов.

Ольга Петровна. Совершенно понимаю это и извиняю вполне! (*Обращаясь к Шуберскому*.) А вас, monsieur Шуберский, зачем, собственно, граф призывал?

Шуберский (*с горькой усмешкой*). Чтобы велеть подать в отставку.

Ольга Петровна. Это ужасно!.. Вот теперь вы и видите,

кто вас преследует: муж или граф.

Шуберский. Теперь, конечно, вижу.

Ольга Петровна. Тоже самое и в других случаях, и даже это Калишинское дело, как оно происходило, – я не знаю; но знаю только одно, что муж мой тут чист... как ангел, и что если страдает за что, так за свою преданность к лицам, которые повыше его стояли, и вы уж, пожалуйста, заступитесь за него в печати, если его очень опять там злословить будут.

Шуберский. Это будет священной обязанностью для меня, потому что я так в этом отношении виноват пред Алексеем Николаичем, что, конечно, должен употребить все, чтобы загладить перед ним вину свою.

Ольга Петровна. А вы давно занимаетесь литературой? Давно получили призвание к ней?

Шуберский. С детских почти лет.

Ольга Петровна. Как это приятно! Все-таки это творчество, поэзия, а не сухая служебная проза!.. Однако я слышу, граф идет! Уйдите, господа!

Князь Янтарный, Мямлин и Шуберский поспешно уходят.

Явление X

Ольга Петровна и граф.

Граф (*с прежней злобной усмешкой и низко кланяясь дочери*). Поздравляю вас: супруг ваш назначается на мое место...

Ольга Петровна (*бросаясь было к отцу на шею*). Мерсі, папа!

Граф (*отстраняясь*). Не благодари!.. Не я вам устроил это, а вы сами!.. И я желал бы только спросить твоего мужа, что неужели в его гадкой и черствой душонке за все, что я сделал для него, не накопилось настолько благодарности ко мне, чтобы не ездить по городу и не сочинять, что будто бы он всегда все делал за меня, и что теперь я сумасшедший даже! Если уж ему так хотелось этого проклятого места моего, так лучше бы он пришел и поклонился мне, я уступил бы ему его и по крайней мере не считал бы его тогда подлецом совершенным.

Ольга Петровна. Мы для тебя же, папа, желали, чтобы ты вышел в отставку и успокоился.

Граф. Ничего вы мне не желали!.. Только пасть свою удовлетворить вы желали, хищники ненасытные!.. Что ты всегда была волчицей честолюбивой, это видел я с детских лет твоих; но его я любил и думал, что он меня любит! На прощанье я могу вам пожелать одного: пусть у тебя родится дочь, по-

хожая душою на тебя, а он отогреет за пазухой у себя такого же змееныша-чиновника, какого я в нем отогрел; тогда вы, может быть, поймете, что я теперь чувствую! *(Быстро поворачивается и уходит.)*

Явление XI

Ольга Петровна одна, потом Андашевский; позже князь Янтарный, Мямлин и Шуберский и, наконец, граф.

Ольга Петровна (*одна и усмехаясь*). Сердись теперь, пожалуй, сколько хочешь... Дело ж сделано!.. Ехать поскорее к мужу и обрадовать его! (*Идет, но в дверях встречается с Андашевским.*) Ты приехал?

Андашевский. Да!.. Я тут у подъезда дожидался и сейчас встретил князя Михайлу Семеныча: он говорит, что я буду назначен.

Ольга Петровна. Непременно будешь назначен!

Андашевский (*беря себя за голову*). Господи, что же это такое!.. Я заплачу!

Ольга Петровна. Заплачь!.. Ничего!.. Тебе легче после того будет.

Андашевский начинает утирать выступившие у него на глазах слезы; у Ольги Петровны тоже глаза наполняются слезами.

Андашевский (*с чувством*). Князь сказал, что старик сам даже желал оставить это место и передать его мне.

Ольга Петровна. Хорошо желал! Ты послушал бы, какими он именами нас обоих тут называл, так что я солгала даже ему, что буду требовать у него материнского состояния. Впрочем, бог с ним... Скажи лучше, кого ты думаешь взять

на твоё место?

Андашевский (*несколько задумавшись*). Конечно, князя Янтарного!.. Во-первых, у него связи огромные, а во-вторых, он сам не опасен: не подшибет никогда!

Ольга Петровна. А на место Янтарного кого ты назначишь?

Андашевский. Право, уж не знаю!

Ольга Петровна. Назначь Шуберского: он в печати имеет значение!.. Не мешает и в этой сфере иметь преданного человека.

Андашевский. Мысль недурная!

Ольга Петровна. А теперь позови их скорее и объяви им о твоём назначении: они очень рады будут этому.

Андашевский. Сейчас позову! (*Приотворяя дверь.*) Пожалуйста сюда, господа! (*К вошедшим.*) Граф оставляет службу...

Все в один голос. Кто ж на место его?

Андашевский (*с некоторым трепетом в голосе*). Я, кажется, назначаюсь!

Мямлин (*благоговейно складывая руки и возводя глаза к небу*). Господи, благодарю тебя за то!

Князь Янтарный (*грустным тоном*). Настоящее место ваше поэтому делается вакантным?

Андашевский. Да; если это случится... и в таком случае я буду иметь честь вас пригласить на него, а теперь все-таки позвольте мне, как будущего моего помощника, обнять

вас...

Князь Янтарный. О, благодарю вас!

Оба обнимаются и целуются.

Андашевский (*Мямлину*). А вас, даст бог, в новом году мы полечим от вашей болезни аннинской лентою!

Мямлин. Излечусь этим, совершенно излечусь!

Андашевский (*Шуберскому*). Вам, господин Шуберский, я тоже бы желал предложить место Георгия Ираклича, когда оно освободится, если только это не повредит вашим литературным занятиям.

Шуберский (*задышающим от радости голосом*). Нисколько-с это не повредит!

Мямлин. Директор отличный он будет и похваливать нас иногда в газетах станет.

Шуберский. В отношении товарищей я уж, конечно, ничего другого не могу написать.

Андашевский. Кабинет, таким образом, составлен!

Берется за свою шляпу; тому же примеру следуют и все прочие; Андашевский начинает даже при этом насвистывать одну из арий; Ольга Петровна весело натягивает свои перчатки; физиономии директоров сияют удовольствием; вдруг в дверях из задних комнат показывается граф Зыров.

Граф (*делая довольно повелительный жест рукою*). Прошу вас, господа, приостановиться на минуту и не расходиться!

Все останавливаются, граф выходит на авансцену; выра-

жение лица его печальное и серьезное. Граф начинает медленно и довольно протяжно говорить.

Я сейчас получил письмо от князя Михайлы Семеныча, которое и имею честь предъявить вам! *(Подносит держимое им в руке письмо к глазам своим и читает его.)* «Любезный граф! Поздравляю вас кавалером ордена бриллиантовых знаков и с пожалованием вам аренды в пять тысяч рублей серебром и вместе с тем спешу вас уведомить, что на ваше место назначен тайный советник Яков Васильич Карга-Короваев!»

Занавес падает.

Примечания

Впервые комедия опубликована в измененном по цензурным условиям виде под названием «Подкопы» в журнале «Гражданин», 1873, NoNo 7-10 (11 февраля – 5 марта).

20 августа 1872 года А.Ф.Писемский писал Н.С.Лескову: «...пьеса моя еще окончательно мною не отделана и не раньше может быть окончена вполне, как к половине сентября, а потом я сам думаю приехать в Петербург к 22 сентября и привезу пьесу с собой...» Отвечая на это письмо, Н.С.Лесков известил Писемского, что «добрые слухи» о его новой пьесе уже проникли в печать¹⁰. С рукописью своей только что законченной комедии А.Ф.Писемский приехал в Петербург в конце сентября 1872 года и выступил с чтением ее в кругу избранных слушателей у А.А.Краевского. Пьеса произвела сильное впечатление на присутствовавшего среди приглашенных А.В.Никитенко, в дневнике которого 5 октября появилась следующая запись: «Комедия эта лучшее произведение его. Не знаю только, как он сладит с цензурою. Он хочет напечатать ее в «Гражданине» князя Мещерского. Писемский превосходно читает, и мне кажется, что кто слышал его комедию из его уст, тому не следует идти в театр на ее представление: она, наверное, будет сыграна там гораздо ху-

¹⁰ А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 248, 695.

же, чем в чтении автора».¹¹

Судьба рукописи крайне тревожила автора. Комедия была включена под заглавием «Подкопы» в издававшийся В.П.Мещерским «Сборник Гражданина» (книга вторая), но не вышла в свет по обстоятельствам, не зависевшим от редакции сборника. «Пьесу мою прихлопнула цензура: ее вырезали из сборника Мещерского. На меня это страшно подействовало!..»¹² – уведомил Писемский Лескова. Он обращался к Краевскому, Никитенко, Гончарову с просьбой выяснить причины цензурного запрета. И.А.Гончаров в письме от 4 декабря 1872 года сообщил Писемскому: «Я спрашивал о причине задержки и получил в ответ, что единственная причина – это щекотливость высшей администрации, которую Вы затронули в живой картине интриг и взаимного подшибательства».¹³

Интересные подробности записал 6 декабря А.В.Никитенко: «Был у меня Писемский. Комедии его не пропускает цензура. Он объяснялся с Тимашевым (министром внутренних дел. – С.Е.), который объявил ему, что комедия может пройти, если он спустит действующих лиц пониже, то есть директоров и товарищей министров оставит в покое. Он тоже объяснялся с Лонгиновым (начальником Главного управления по делам печати. – С.Е.), но тщетно. Когда Писемский

¹¹ А.В.Никитенко. Дневник, т. III, М., 1956, стр. 254.

¹² А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 250.

¹³ А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 698.

спросил у него: «Как же и о чем писать?», – тот отвечал ему: «Лучше вовсе не писать». Автор обещал, однако, исправить свою пьесу, то есть не ставить действующих лиц в разряд высших чиновников, а просто отделаться общими характеристиками». ¹⁴

В то же время в газете «С. – Петербургские ведомости» от 1 декабря 1872 года (№ 330) было опубликовано объявление о выходе из печати второго сборника «Гражданина» с извещением о том, что «по причинам, редакцией не предусмотренным, комедия А.Писемского «Подкопы» возвращена автору. По получении от автора, она будет доставлена г. г. подписчикам особо».

А.Ф.Писемскому пришлось немедленно приступить к переработке «Подкопов» в направлении, более приемлемом для цензуры. Позднее, уже после того, как комедия в переработанном виде появилась в газете «Гражданин», автор в письме к А.В.Никитенко от 16 марта 1873 года утверждал, что существенных изменений, вызванных соображениями цензурного характера, «пьеса не потерпела нисколько: я всего только и сделал, что в перечне действующих лиц уничтожил титулы; в самом же тексте не произошло никаких перемен за исключением тех немногих, которые я сам сделал чисто уже в видах художественного улучшения» ¹⁵. Это заявление, однако, наполовину не соответствовало действитель-

¹⁴ А.В.Никитенко. Дневник, т. III, 1956, стр. 262.

¹⁵ А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 252.

ности, будучи рассчитано на возможное содействие А.В.Никитенко в качестве рецензента по присуждению Уваровской премии за лучшие драматические сочинения: Писемский решил представить «Подкопы» на соискание премии и старался рассеять всякие сомнения в «цензурности» своего произведения.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) хранится авторизованная копия первых двух действий первоначального текста этой комедии, частично также третьего и четвертого действий; текста пятого действия в рукописи недостает. Листы с первоначальной редакцией пьесы (датированной 1872 годом) во многих местах заклеены написанными на бумажных полосах позднейшими авторскими исправлениями. После произведенной расклейки оказалось возможным сличить первую (доцензурную) редакцию комедии с редакцией, приближенной к требованиям цензуры.

В результате переработки писатель, несомненно, достиг известных «художественных улучшений» в литературном и сценическом отношениях: были устранены некоторые длиноты, выразительнее стали отдельные диалоги, последовательнее получились характеристики персонажей (в особенности Вуланда). Все же в большинстве случаев изменение текста свидетельствует о явном снижении уровня изображаемой в пьесе социальной среды; автор вовсе не ограничился тем, что «уничтожил титулы» в перечне действующих лиц,

он должен был поневоле согласиться с необходимостью спустить их вообще «пониже», оставив в покое «директоров и товарищей министров».

Так, в тексте комедии опущена бывшая в первоначальной редакции ремарка после списка действующих лиц: «Действие происходит в Петербурге». Далее в рукописном тексте комедии упоминались «чиновники департамента», то есть тоже петербургские департаментские чиновники одного из министерств. Упоминался и вновь назначенный «товарищ министра», занимавший ранее должность директора департамента. В печатном издании пьесы товарищ министра не совсем вразумительно именуется просто «товарищем» и лишь в списке действующих лиц назван товарищем «главного начальника ведомства».

Если директор министерского департамента в рукописи носил титул «высокопревосходительства» (а не просто «превосходительства»), то товарищ министра представлялся уже совсем «высокопоставленной особой», которая «будет иметь личный доклад к государю». Особа «государя» не раз фигурировала за кулисами обличаемых в пьесе темных бюрократических махинаций: к нему собирается пойти с жалобой директор Вуланд, к нему хочет ехать с повинной граф Зыров, на его же мнение ссылается близкий ко двору князь Михайло Семеныч. Жену нового товарища министра князь встретил «во дворце на бале» (а не на «бале у австрийского посла»).

Понятно, что, наученный горьким опытом, автор тщатель-

но вымарал все упоминания о государе и дворце. Он постарался также приглушить сатирическое звучание строк, осмеивающих придворное окружение: «...если мальчика отдали в пажеский корпус, то он будет непременно свитский генерал, потом генерал-адъютант и потом министр, член государственного совета, а если в училище правоведения поступит, то будет министром по гражданской части».

Остросатирические характеристики представителей высшей бюрократии автором смягчались, устранялись наиболее резкие черты в обрисованной им картине ожесточенной борьбы чиновничьих честолюбий, «Интриг и взаимного подшибательства».

Главный герой, карьерист Анташевский (ранее именовавшийся Вандашевским), в рукописной редакции комедии был очерчен несколько полнее и в более отрицательном виде: подчеркивалась вся «низость его характера». По происхождению из разночинцев, мелкий чиновник, он сумел войти в доверие к графу, «главному начальнику ведомства» (то есть министру), служил у него секретарем, «жил только что не в конуре, питался на четвертаковый обед», стараясь прослыть честным тружеником. В то же время он сошелся с богатой женщиной из светского общества, которая его «приютила, приголубила и почти содержала», бросила для него своего мужа, рассорилась со своей матерью, братьями и «все состояние почти прожила для него». У нее на квартире Анташевский берет «трепещущими от радости руками» взятку акци-

ями в триста тысяч и «относит их к своей подруге» на сохранение до завтра. Потом назначенный товарищем министра, он «после 15 лет привязанности» расходится со своей возлюбленной: «...чтож такое в подобных отношениях значит высокая особа или нет!» – замечает по этому случаю жена директора Вуланда. Андашевский женится теперь на дочери графа, своего начальника, типичной авантюристке, которую несколько не смущают разговоры о том, что ее муж, «породнившись с папа, будет позволять себе всевозможные злоупотребления». В своем супруге она находит сходство не с кем другим, как с Сперанским, таким же плебеем, на которого тоже клеветали, завидовали его возвышению, а между тем «он стоит теперь уже на памятниках». Сам же Андашевский, ставши зятем министра, метит поступить уже «на место папеньки».

В образе графа Зырова первоначально резче обозначался контраст между его положением как главы ведомства и его поведением, моральными качествами, вкусами: «подмазанной и подвитой, в розовом галстучке, в коротеньком пиджаке, словом, до неприличия молодо одетый, но, впрочем, с гордой осанкой и с явной привычкой повелевать» – таков этот молодящийся сановник. Целое состояние он растратил на «французских актрис и балетных фигуранток». По словам дочери, он прожил и ее деньги, доставшиеся ей по наследству от матери, и не дал в том «никакого отчета». Андашевский уверяет, что на службе он двадцать лет работал

за графа и что теперь семидесятилетнему старику «трудно... становится заниматься: толкуешь, толкуешь ему – едва вразумишь». У «сумасшедшего старика» к тому же крутой характер. «Деспот, каких мир, я думаю, не представлял», – возмущается Андашевский.

Внесценическим персонажем пьесы является «его сиятельство», князь Михайло Семеныч, занимающий самый высокий пост в правительственной иерархии; от него, облеченного властью, зависят назначения и увольнения министров. В цензурной редакции пьесы его рекомендовали «единственным у нас государственным человеком» (позже рукой автора исправлено: «это единственный у нас человек с государственным взглядом на вещи»). По обыкновению таких высоких лиц, он жалуется на «безлюдье», на то, что нечем заменить выжившего из ума старика: способных людей «один, два да и обчелся». Подходящим кандидатом на административный пост он считает только Каргу-Короваева (фамилия совсем в стиле Салтыкова).

Полнейшая беспринципность «единственного государственного человека» сказывается в том, кому он покровительствует: смотрителем Крестовоздвиженской богадельни он устраивает бывшего управляющего своими именьями Варнуху (иначе Кувыркина, по первоначальному варианту), собственноручно избивавшего рабочих на заводе и получившего за это чин генерал-майора. Должность директора департамента доверяют племяннику «его сиятельства», ка-

мергеру Мямлину – «идиоту», «жулику», «негодяю», «прощельге», делающему карьеру «по милости великосветских тетушек и сестриц». Обрисовка Мямлина в первой редакции пьесы отличалась гротескностью, даже шаржированностью: ходит он, «вихляя толстым задом», «лицо у него перекашивается, и он начинает мычать почти как бык»; это, говорит Мямлин, «пляска св. Витта, болезнь, которою, наконец, страдал царь Навуходоносор»; при этих словах он «сильно мычит». Впрочем, «передергиванье на лице» у него прекратится, как только ему «дадут Владимира» (имеется в виду орден св. Владимира – С.Е.).

Писемский рисовал действующих лиц прямо с натуры. Читатели и тем более цензоры искали в «Подкопах» намеков на определенных лиц, представителей правящей верхушки и столичного светского общества. Замаскировать черты этих «подлинников» (жизненных прототипов) было в интересах автора, стремившегося протащить свою пьесу через цензурный «шлагбаум». Этим, может быть, объясняются произведенные в авторской рукописи замены имен и фамилий действующих персонажей (Зуров – Хмуров – Зыров; Марья Петровна – Марья Сергеевна; Ольга Михайловна Батаева – Ольга Петровна Басаева и др.).

Но и без намеков на «личности» пьеса полностью сохранила свое злободневное значение. Получился резкий драматический памфлет на продажность, карьеризм, произвол и бездарность царской администрации, на «египетскую прока-

зу» взяточничества, спекуляций акциями, алчности, моральной распущенности, маразма аристократических верхов.

Трудно было рассчитывать, чтобы пьеса с такой разоблачительной тематикой могла быть в то время отмечена академической премией, о чем хлопотал писатель (между прочим, по совету И.А.Гончарова) после напечатания «Подкопов» в 1873 году. А.В.Никитенко, вопреки своему прежнему мнению о «лучшем произведении» Писемского, дал о пьесе уклончивый отзыв; он отдал предпочтение драме «Ваал» того же автора, которая все-таки тоже не удостоилась Уваровской премии.

Безуспешными остались и настойчивые попытки добиться разрешения поставить «Подкопы» на сцене.

Н.С.Лесков вспоминал, что Писемский «совсем расстроился от множества неудач, которые встретил при хлопотах об устройстве этой пьесы. С ней все шло как будто закланное, – и даже самое заглавие ей долго не давалось»¹⁶. Действительно, на титульном листе рукописи ЦГАЛИ набросаны один за другим следующие варианты заглавий: «Большие замыслы», «Бескровная битва», «Битва гражданская», «Подкопы». Удачнейший вариант – «Хищники» – в цензурном отношении оказался наименее приемлемым; по выражению Писемского, он вынужден был «обеститулить» свою пьесу.¹⁷

¹⁶ «Петербургская газета», 1885. No 264.

¹⁷ А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 250.

В 1880 году, незадолго до смерти, писатель вновь обратился с ходатайством о снятии с «Подкопов» запрещения театральной цензуры, адресуясь на этот раз к начальнику Главного управления по делам печати Н.С.Абазе. Началась длительная переписка. Аба-за, получив благоприятный для автора отзыв цензора драматических сочинений П.И.Фридрихберга, запросил мнение директора департамента государственной полиции барона И.О.Велио, который, проявив неожиданный либерализм, тоже признал «возможным комедию эту к представлению допустить». Однако товарищ министра внутренних дел М.С.Каханов не согласился с бароном Велио, наложив на его отношении резолюцию: «Ответ неудовлетворительный». Писемского, несмотря на все старания его и близких ему, опять постигла неудача. Комедия «Подкопы», по его словам, «едва, едва пропущенная цензурой для печати», так и осталась «совершенно воспрещенной для постановки на сцену».¹⁸

Только в 1905 году было получено разрешение на постановку «Хищников». Комедия была поставлена под этим названием в Петербурге в октябре 1905 года и имела успех.

Текст комедии, уже набранный для второго сборника «Гражданина», но вырезанный цензурой и уничтоженный полицией в конце 1872 года в количестве 3 тысяч экземпляров, до сих пор не разыскан. Первоначальная (наиболее острая) редакция комедии дошла до нас лишь в отрывках. В на-

¹⁸ А.Ф.Писемский. Письма, М. – Л., 1936, стр. 391, 812, 813.

стоящем издании печатается промежуточная редакция, хотя и смягченная автором, но более соответствовавшая его замыслу, чем текст, публиковавшийся при его жизни. Печатается комедия по изданию А.Ф.Маркса (1911), с проверкой по сохранившейся части автографа.

С. Ф. Елеонский